Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (26), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+27
ББК 83.3(2=411.2)+86.37
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-161-203
https://elibrary.ru/ODVMEL



© 2024. Геннадий Карпенко
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

«Так нас природа сотворила...»: преступление без наказания? (Ф.М. Достоевский и И.А. Бунин)
Статья вторая: «При рождении, что ль, знаки такие есть?»

© 2024. Gennady Yu. Karpenko
S.P. Korolev Samara National Research University, Samara, Russia

“Nature Made Us This Way...”: Crime without Punishment? (Fyodor Dostoevsky and Ivan Bunin)
Article 2: “Are There Such Signs at Birth?”

Информация об авторе: Геннадий Юрьевич Карпенко, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Московское шоссе, д. 34, 443086 г. Самара, Россия.
https://orcid.org/0000-0002-7325-2802
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается «тезис» маргинальной антропологии, как он был обозначен Ф.М. Достоевским в романе «Преступление и наказание» и творчески переосмыслен И.А. Буниным в рассказе «Петлистые уши» под влиянием достижений итальянской школы уголовного права: «по закону природы» люди делятся на обыкновенных и «прирожденных преступников», — последних можно даже узнать по атавистическим «клеймам» и/или «печати» Каина. У Достоевского и у Бунина изображение «необыкновенного человека» по-разному концептуализировано. Достоевский, ставя перед собой задачу показать преображающее действие «закона Христа» внутри отдельной человеческой личности, все же маргинальную антропную реальность до конца не развенчивает, оставляет ее «на свободе», «на улице», — в общественном пространстве, тем самым потенциально «позволяет» ей осуществиться: она может

найти (как в «Мертвом доме») свое практическое и историческое подтверждение в преступниках «по природе своей». Бунин же без сомнений и оговорок выводит в рассказе «опасную реальность» — «прирожденного преступника», наделяя его характерными, узнаваемыми в свете криминальной антропологии признаками, «стигматами»: его появление в исторической жизни обусловлено не социальными обстоятельствами (как утверждают исследователи), а действием законов атавизма. В отличие от Достоевского Бунин ведет своего героя не к обновлению и преображению, а сюжетно отпускает «прирожденного преступника» на свободу, оставляет его без наказания. С другой стороны, выявление в произведениях Достоевского и Бунина «ветхозаветного кода», связанного с «комплексом Каина», позволяет актуализировать эсхатологический мотив «второго» творения: исторически акт «второго» творения не завершен, культура вновь и вновь стремится поправить онто-антропологический результат «шестого дня», потому что Каин в род человеческий снова и снова возвращается, а может быть, из него никуда и «не уходил». В целом нужно говорить не только о полемике Бунина с Достоевским, но и о детальной проработке острой антропологической проблемы, которая волновала обоих писателей, стремившихся разгадать тайну человека, иерархически соотнесенную с Богом и с разного рода возникающими эволюционными и социальными антропными «примесями».

Ключевые слова: Достоевский, «Преступление и наказание», Бунин, «Петлистые уши», маргинальная антропология, физиогномика, атавизм, вырождение, «прирожденный преступник».

Для цитирования: *Карпенко Г.Ю.* «Так нас природа сотворила...»: преступление без наказания? (Ф.М. Достоевский и И.А. Бунин). Статья вторая: «При рождении, что ль, знаки такие есть?» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26). С. 161–203. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-161-203

Information about the author: Gennady Yu. Karpenko, DSc in Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, S.P. Korolev Samara National Research University, Moskovskoe Shosse, 34, 443086 Samara, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-7325-2802

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Abstract: The article examines the thesis of marginal anthropology as represented by Fyodor Dostoevsky in the novel *Crime and Punishment* and creatively reinterpreted by Ivan Bunin in the short story “Loopy Ears,” under the influence of the achievements of the Italian school of criminal law. “According to the law of nature,” people are divided into ordinary men and “natural criminals,” the latter identifiable by the atavistic “mark” of Cain. Dostoevsky and Bunin conceptualize the image of the “extraordinary man” differently. Dostoevsky, aiming to show the transformative effect of the “law of Christ” on the individual, nevertheless does not completely debunk the marginal anthropic reality, leaving it “free” in public spaces, thereby potentially “allowing” it to manifest, and it can find its practical and historical confirmation in criminals “by nature” (as in *The House of the Dead*). Bunin, without doubt or reservations, introduces a “dangerous reality” in the story — a

"born criminal", and endows him with characteristic signs, "stigmata" that are recognizable in the light of criminal anthropology. His appearance in historical life is due not to social circumstances, as researchers claim, but to the laws of atavism. Unlike Dostoevsky, Bunin does not lead his hero to renewal and transformation, but instead plot-wise releases the "born criminal" to freedom, leaving him without punishment. On the other hand, the identification of the "Old Testament code" associated with the "Cain complex" in the works of Dostoevsky and Bunin makes it possible to actualize the eschatological motif of the "second" creation. Historically, the act of the "second" creation is incomplete: culture again and again seeks to correct the onto-anthropological result of the sixth day because Cain comes back again and again to the history of humanity, or maybe he never left. It is necessary to discuss not only Bunin's polemic with Dostoevsky, but also their detailed exploration of the acute anthropological problem that worried both writers as they sought to unravel the mystery of man, hierarchically related to God and various emerging evolutionary and social anthropic "impurities."

Keywords: Dostoevsky, *Crime and Punishment*, Bunin, "Loopy Ears," marginal anthropology, physiognomy, atavism, degeneracy, "born criminal."

For citation: Karpenko, G.Yu. "'Nature Made Us This Way...': Crime without Punishment? (Fyodor Dostoevsky and Ivan Bunin). Article 2: 'Are There Such Signs at Birth?'." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (26), 2024, pp. 161–203. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-161-203

Цель предлагаемой статьи — рассмотреть особенности маргинальной антропологии, как она была намечена Ф.М. Достоевским в романе «Преступление и наказание» и творчески переосмыслена, усилена И.А. Буниным в рассказе «Петлистые уши» под влиянием достижений итальянской школы уголовного права. То, что в романе Достоевского обозначено и остается на повествовательной периферии, в рассказе Бунина выводится в центр и составляет основную «идею» изображения: люди «по закону природы» делятся на обыкновенных, «материал» и «прирожденных преступников» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 223–224], [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 389–391, с. 443–444]. «Периферийность» маргинальной проблемы у Достоевского и ее «центрированность» в рассказе Бунина указывают на ее значимое присутствие и актуальность во времени: она волнует обоих писателей и имеет более глубокие антропологические основания, чем принято считать в тех распространенных случаях, когда содержание произведения Бунина сводится, как показывает С.А. Кибальник [Кибальник, 2019, с. 561–564], к «литературной реплике» в адрес Достоевского и его романа.

С.А. Кибальник в обзоре научной литературы по вопросу бунинской рецепции романа Достоевского, подготовленном для нового академического Полного собрания сочинений и писем писателя, достаточно системно и полно представил точки зрения ученых на творческую переработку Буниным мотивов романа «Преступление и наказание» в рассказе «Петлистые уши» [Кибальник, 2019, с. 561–564]. В целом создается объемная картина толкований и интерпретационных возможностей исследователей, обратившихся к «теме Достоевского» в произведении Бунина, а именно: по мнению В.А. Туниманова, «Петлистые уши» — рассказ о преступлении без наказания; Д. Риникер считает, что рассказ — это попытка создать пародию в тыняновском смысле; Д.М. Магомедова указывает на доминирование в рассказе ценностного слова героя о себе самом; Л.К. Долгополов полагает, что Бунин писал о жестокости как норме и нравственном тупике, в который зашло человечество; О.В. Сливицкая говорит о космичности зла, о воле к разрушению, заложенной в человеке [Кибальник, 2019, с. 561–564].

Сведение «бунинского вопроса» к «литературности» мешает увидеть глубину антропологической проблемы, питаемую многочисленными работами того времени об «атавистическом» человеке. Данное ограничение как раз побуждает рассмотреть маргинальную антропологию Достоевского и Бунина в широком контексте культурно-исторических сравнений и типологических обобщений.

К сожалению, и в последних аналитических сопоставлениях рассказа Бунина «Петлистые уши» с романом Достоевского исследователи, увлекаясь «литературностью» и общими социально-политическими и абстрактно-метафизическими рассуждениями, не выходят за пределы сложившейся «ограничительной» традиции толкования заявленной рецептивной проблематики. Так, Н.В. Пращерук рассматривает «Петлистые уши» как «вариант романа “Преступление и наказание”, “переписанный” Буниным» [Пращерук, 2021, с. 240] и видит в образе Адама Соколовича не только «сниженный, опошленный вариант Раскольникова», но и «синтетический, обобщающий образ убийцы-выродка, вобравший черты многих персонажей великого предшественника» [Пращерук, 2021, с. 239]. При этом значимые для Бунина психофизиологические и атавистические черты «убийцы-выродка» не принимаются во внимание: «Так, изначально намечена и последовательно проведена в рассказе тема “беспочвенности» героя”» [Пращерук, 2022, с. 238]. Его преступные действия

оцениваются как «убийство из идейных соображений», а сам образ Соколовича интерпретируется как авторская «запретительная» художественно-назидательная условность — каким человек не должен быть: «В бунинском рассказе решившийся на убийство из идейных соображений герой безоговорочно “выпадает” из человеческого мира <...>. Тема вырождения человеческой природы решена по-модернистски избыточно, через описание внешнего уродства Соколовича, которое трактуется как знак его духовной ущербности» [Пращерук, 2021, с. 240]; «<...> лишенный интеллектуального блеска героев-мыслителей Достоевского, бунинский персонаж крайне примитивно, пользуясь “ходячими аргументами” массового обыденного сознания, оправдывает свою патологическую тягу к убийству» [Пращерук, 2022, с. 238].

Показательна в этом ряду и статья Т.А. Дьяковой, в которой закрепляются исследовательские — как содержательные, так и жанровые — наработки по проблеме творческой рецепции Буниным романа Достоевского «Преступление и наказание». Задействуя принцип условно-абстрактного исторического детерминизма, Т.А. Дьякова объясняет поведение Адама Соколовича влиянием на него гнетущей атмосферы эпохи: «Он представитель другой эпохи. И деградация личности, которая обнаруживает себя в бунинском герое, соответствует времени глобальных катастроф. Теперь преступник не испытывает мук совести. <...> По мнению Бунина, такая чудовищная метаморфоза произошла с человеком потому, что изменилось само время <...> Бунин определённо говорит о том, что деградация и нравственное падение человека обусловлены социальными и историческими катаклизмами, приводящими общество к новой норме жизни: массовым убийствам, геноциду, разрушению национальных устоев государства» [Дьякова, 2022, с. 43–44].

Художественную форму рассказа Т.А. Дьякова соотносит с жанром пародии: «Рассказ “Петлистые уши” можно рассматривать как пародию в тыняновском понимании на роман “Преступление и наказание”, т. е. как процесс отталкивания от исходного текста и введение его в новый литературно-художественный контекст. Точку зрения, что бунинский рассказ об Адаме Соколовиче является исключительно пародией на “достоевщину”, развивает Р. Боуи» [Дьякова, 2022, с. 44], для которого, напомним, «Попытка Бунина написать пародию и использовать острую иронию срабатывает не очень удачно» [Боуи, 2001, с. 704].

Даже упоминание имени Ч. Ломброзо, автора концепции о «прирожденном преступнике», не пробуждает интереса к атавистическим чертам главного героя рассказа, которыми наделяет его Бунин в соответствии с теорией итальянского ученого. В интерпретации Т.А. Дьяковой Бунин (как и Ч. Ломброзо) так и остается только культурно-историческим детерминистом в понимании человека: «Бунин заострил в этом произведении идею культурного вырождения человека в духе теорий итальянского психиатра и криминалиста Ч. Ломброзо» [Дьякова, 2022, с. 43].

Как видим, работы по криминальной антропологии, которые послужили Бунину материалом при создании образа главного героя Адама Соколовича, остаются вне поля зрения исследователей рассказа «Петлистые уши». Отсюда характеристика героя ведется без учета специфического контекста, а ориентация Бунина на труды по уголовной антропологии и проблемам вырождения игнорируется: «<...> нет никаких явных признаков вырождения и уродства» [Туниманов, 2004, с. 214]. А если они (признаки вырождения) и обнаруживаются, то понимаются как проявление авторской стратегии на модернистское преувеличение (Н.В. Пращерук) или на пародирование (Т.А. Дьякова), причем неудачное (Р. Боуи).

Такого рода методологические ограничения — абстрактный детерминизм и «литературность» в «тыяновско понимани» — не позволяют выйти исследовательской мысли к рассмотрению проблем маргинальной антропологии, как оказывается, столь же актуальных, как и проблемы социальной и христианской антропологии. Обращение же к контексту — к работам по физиогномике, краниологии, френологии и уголовной антропологии — открывают возможность войти в широкое объяснительное поле, выйти на источники, которые намечают общий для Достоевского и Бунина интерес к породе «необыкновенных людей», рожденных со склонностью к убийству «по закону природы» (как об этом стали писать в научных и научно-популярных трудах того времени).

Вполне очевидно, что в произведениях Достоевского и Бунина такого рода специфические идеи и настроения эпохи представлены в художественном форме, в узнаваемом или даже в едва узнаваемом, «стертом» виде, но от этого не утратившие своего смыслового и концептуального значения.

Так, Порфирий Петрович, желая уточнить у Раскольникова приметные черты «необыкновенного человека», имеющего «по за-

кону природы» право на убийство, спрашивает: «Но вот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ль, знаки такие есть? Я в том смысле, что тут надо бы поболее точности, так сказать, более наружной определенности: извините во мне естественное беспокойство практического и благонамеренного человека, но нельзя ли тут одежду, например, особую завести, носить что-нибудь, клеймы там, что ли, какие?..» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 224].

Как предполагает Б.Н. Тихомиров, «Порфирий Петрович, с одной стороны, по-видимому, иронически намекает на легендарные предания о “чудесном рождении” мифологических и исторических героев» [Тихомиров, 2005, с. 248]; «С другой стороны, говоря о “клеймах”, Порфирий, скорее всего, имеет в виду фольклорное представление о “царских знаках” — особых телесных приметах <...>» [Тихомиров, 2005, с. 249].

С.В. Березкина, ссылаясь на комментарий Б.Н. Тихомирова, заключает: «Возможно, намек на предания о чудесном появлении на свет героев, мифологических и исторических, отмеченных особыми знаками» [Березкина, 2019 с. 688].

Комментаторы только предположительно могут назвать возможные и в основном отдаленные источники, послужившие внетекстовой основой сформировавшегося любопытства Порфирия Петровича. Б.Н. Тихомиров, правда, указывает еще и на конкретный источник: на «Предисловие» к книге Наполеона III «История Юлия Цезаря». В нем содержится изложение концепции об особой породе мировых гениев, которая, однако, вызвала в периодической печати недоумение: «<...> спрашивается, как же узнавать таких личностей? <...> Спрашивается, по каким признакам должны мы отличить <...>?» [Тихомиров, 2005, с. 250]. Однако ценность приводимых Б.Н. Тихомировым высказываний видится и в другом — в том, что они фиксируют интерес к отличительным знакам «необыкновенного человека» со стороны разных лиц: и Луи Наполеона, и авторов журнально-газетных откликов, и литературного героя, — и тем самым указывают на повсеместное увлечение характерологическими клеймами, на наличие обсуждаемой физиогномической проблемы в научной и общественной среде. Следовательно, за «ироничностью» вопрошания Порфирия Петровича стоит серьезность подхода и внимания Достоевского даже к антропологическим «мелочам». «Вопрос о “наружной определенности”» [Тихомиров, 2005, с. 250]

интересовал специалистов в области физиогномики, если учитывать предшествующий и современный Достоевскому контекст, а также оказался в центре рассмотрения антропологов-криминалистов, если иметь в виду последующую традицию научно-позитивистских наблюдений над клеймами «прирожденного преступника», которые принимал уже в расчет Бунин при создании своего типа «необыкновенного человека».

И как бы к ним — к антропологическим «стигматам» [Тард, 1906, с. 31] — ни относиться, они на протяжении всего XIX века привлекали к себе внимание с заметным желанием увидеть связь, обусловленность и цельность внешнего и внутреннего в человеке как проявление в его приметах или «ангельского следа» (Ф.И. Галль, К.Г. Карус), «язв Господа Иисуса на теле моём», «ego enim stigmata Iesu in super corpore meo porto» (Гал. 6: 17), или черт «прирожденного преступника» (Ч. Ломброзо).

С другой стороны, такое внимание к «деталям» даже «ироничное» спрашивающего героя придают роману особую «обытовленную» глубину человечности. Мотив «неразрешимых исторических противоречий человеческой природы», по справедливому замечанию Б.Н. Тихомирова, «получивший дальнейшее углубленное развитие в “Братьях Карамазовых” в главе “Великий инквизитор” и уже намечающийся в романе “Преступление и наказание”» [Тихомиров, 2005, с. 251], благодаря такому сопряжению с вопросами «благонамеренного человека» о «клеймах» получает не только перспективное историческое разрешение, но и дополнительно антропологически бытовое, неотъемлемо человеческое звучание «здесь и сейчас». Умение распознавать характерные «знаки», разбираться в физиогномике и френологии, как желает того Порфирий Петрович, вне зависимости от их научности или ненаучности снимает «естественное беспокойство практического и благонамеренного человека». Ему, например, всегда приятно найти — в соответствии с краниологической системой Ф.И. Галля — орган веры в высшей точке головы: «<...> на сем месте волосы сами собою разделяются и падают по обе стороны головы, посему-то живописцы Итальянской школы изображают в сем виде все Христовы, Апостольские головы, равно и всех Святых и Мучеников, лишая сего достоинства одного только Иуду» [Альберт Великий, 1811, с. 123–124].

Физиогномика стремилась стать и искусством, и наукой, — хотела приносить практическую пользу человеку. В «Предуведомле-

нии немецкого издателя» к книге, где излагалась система Ф.И. Галля «о черепословии», обозначалась ее практическая цель — «<...> приноровить ее некоторым образом ко всеобщему употреблению» [Предуведомление, 1811, с. VII]. А польза от нее декларировалась таким образом: «<...> по различным возвышениям и впадинам на черепе можно судить о различных способностях, желаниях и наклонностях человека» [Изъяснение, 1811, с. 113].

Начиная с «Физиогномических фрагментов» И.К. Лафатера [Lavater, 1783–1787] и краниологии Ф.И. Галля интерес к «знакам» человеческого тела был обычным увлечением, сохранившим свою уместность и в эпоху Достоевского. «Поэтому, — пишет К.Г. Карус в середине XIX века, — выделенные Галлом кругами и квадратами на человеческой голове регистры греха и добродетели смогли получить в массах популярность; ибо нельзя поставить в вину людям, чуждым науке, но нуждающимся в ее результатах, что они находят достаточным изучить некие черепные возвышения в заушной области, чтобы немедленно увериться в том, способна ли исследуемая личность на воровство или убийство и исходит ли от нее опасность для нашего кошелька или жизни» [Карус, 1999, с. 744].

Более того, развитие анатомии, физиологии и в целом антропологии способствовало появлению новых работ по отличительным знакам, указывающим на склонности и предрасположенность человека к тем или иным действиям.

В 1858 году выходит труд К.Г. Каруса «Symbolik der menschlichen Gestalt: ein Handbuch zur Menschenkenntniss» («Символика человеческого облика. Руководство к человекознанию») [Carus, 1858]. Вслед за Ф.И. Галлем К.Г. Карус стремится придать физиогномическим наблюдениям статус науки: «Наука должна исходить из того, что история развития, морфология и филология действительно в состоянии делать вывод о значении каждой отдельной человеческой черты. Она должна сравнивать и измерять, какая сторона его организации выражена сильнее, а какая слабее, делая из этого свои выводы. При этом она может свои выводы ясно представить всякому желающему» [Карус, 1989, с. 725].

К.Г. Карус не только проводит «органоскопические, физиогномические и патогномические исследования некоторых особенно важных областей тела, а именно, таких, как голова (череп и лицо) и рука» [Карус, 1999, с. 737], но и вслед за И. Кантом («Об изначально злом в человеческой природе» [Кант, 1965]) задается «вековечным»

вопросом: «вопросом о *злом или добром* в человеке как таковом» [Карус, 1969, с. 739].

К.Г. Карус — христианский антрополог. Признавая возможность зла в человеке и утверждая его естественность в звере, он отказывается зло онтологизировать: «Мы видим зверя с его уже многократно развернутой к миросознанию душевной способностью, притаившегося с целью учинить убийство, воровство и опустошение разнообразного рода, но никто не осмелится возвести все это в принцип зла. Напротив, мы расцениваем нечто в качестве зла лишь там, где мы уверены в более высоком уровне самосознания, где мы имеем право предполагать, что в некотором духе великие божественные идеи красоты, любви и истины прозрачны для сознания» [Карус, 1999, с. 739].

К.Г. Карус ставит вопрос о зле феноменологически: «<...> как вообще дух оказывается способным временами отрицать свою самую внутреннюю и высочайшую истину?» [Карус, 1999, с. 740]; «<...> каким образом развивается то, что мы называем злом человеческой природы, а следовательно и то, что может иметь родство с этой предрасположенностью ко злу» [Карус, 1999, с. 742].

Склонность человека ко злу К.Г. Карус объясняет заблуждением в понимании счастья и *«врожденным влечением»,* бессознательным стремлением человека к благополучию, на пути к достижению которого он встречает преграды и, преодолевая их, творит зло [Карус, 1999, с. 742].

Удивительно по совпадению и закономерно с точки зрения христианского мировосприятия К.Г. Карус решает вопрос о «зле человеческой природы» в категориях христианской антропологии так, как Достоевский его рассматривает в художественной форме: «Если взять некий вид зла или греха и проследить путь чьей-либо души по направлению к действительному *преступлению* <...> все, что мы можем назвать склонностью человеческой природы в себе и для себя, никогда не является ни *любовью к самому злу* ни тем более собственным *стремлением природы ко греху*. <...> неискоренимая черта совести с необходимостью придает всякому злу некий привкус мучения и несчастья» [Карус, 1999, с. 742].

В решении же физиогномического вопроса К.Г. Карус так же осторожен, как и его предшественники, и как будут осторожны его косвенные последователи в вынесении однозначных суждений об отличительных знаках «прирожденного преступника»: «<...> от

символики в целом просто нельзя требовать выявления и демонстрации *знаков* того, насколько человек в своем внутреннем мире является *хорошим или плохим, обладает ли он врожденными свойствами греховного* или *нет*. При рассмотрении знаков телесной организации речь может идти лишь *о том*, есть ли в нем предрасположенности, явленные в способностях познания и влечения, которые при наличии определенных жизненных условий влекут его к искушению злом или позволяют ему одержать над ними победу» [Карус, 1999, с. 743].

В конце XIX века, в новую эпоху увлечения «антропологической семиотикой», развивающейся уже с явным сдвигом в сторону системного изучения «клейм» и «стигматов» «прирожденного преступника», также не удалось выработать однозначного понимания проблемы. Г. Тард, критически настроенный к классификационным результатам итальянской школы уголовной антропологии, к высказываниям Ч. Ломброзо о том, что «ясно видны анатомические особенности преступника» [Ломброзо, 1892, с. 24], писал: «Теперь, когда место расчищено, спросим себя снова, существуют ли внешние признаки, позволяющие распознать и определить абсолютную преступность? Я отвечаю, что не открыто еще ни одного сколько-нибудь определенного признака, как не удалось еще открыть внешних признаков непоколебимой честности» [Тард, 1906, с. 12–13].

Казалось бы, Г. Тард однозначен в решении обозначенной проблемы, но и он вынужден добавить и признать: «Я не хочу отрицать этим возможной связи наклонностей характера с известными анатомическими или, скорее, гистологическими особенностями мозга и всего “нервного ствола”, ни даже более сомнительной связи этих особенностей с взаимоотношением костей и мускулов, которую возможно было бы точно определить. Но я a priori оспариваю, что наклонности характера, которые ведут к преступлению и даже необходимо должны к нему привести, могли бы быть связаны с одним и тем же анатомическим признаком. <...> Сколько антропологов, столько и различных преступных типов. Марро не соглашается с Ломброзо, Ломброзо — сам с собой» [Тард, 1906, с. 13–14].

Однако такого рода суждения, звучавшие на протяжении всего XIX века, не устраняют самого интереса к отличительным антропологическим признакам, а, наоборот, втягивают в свою проблемную орбиту и, казалось бы, неожиданные источники. Так (и удивительно, и закономерно показательно), на создание теории о «прирожденном

преступнике» повлияли произведения Достоевского. Как указывает В.Д. Спасович, представители итальянской школы уголовной антропологии при разработке и обосновании своих идей о «прирожденном преступнике» обращались к «Запискам из Мертвого дома» Достоевского и из них тоже в качестве подтверждения своим наблюдениям выводили тип преступного человека: «В “Записках из Мертвого Дома”, воспроизводимых в главных чертах почти всеми итальянскими антропологами-криминалистами, Достоевский изобразил наблюденный им тип острожников сибирских. <…> Вследствие скрещивания и смешения народа в громадных государствах расовые типы стушевываются, но зато тем сильнее обрисовываются профессиональные, в числе которых видное место занимает уголовный тип или в особенности тип закоренелого и неисправимого рецидивиста. Это и есть единственный тип преступный уловимый с внешней стороны» [Спасович, 1891, с. 454–455].

Как видим, роман Достоевского «Преступление и наказание» даже своим микроскопическим эпизодом — вопросом Порфирия Петровича об отличительных знаках «необыкновенных людей» — оказывается вовлеченным в физиогномическую проблематику эпохи, а «Записки из Мертвого дома», способствовавшие обоснованию концепции о «прирожденном преступнике», становятся «возвратным мостиком»: полученные результаты антропологами-криминалистами рано или поздно должны были быть сопоставлены и с «уголовной» антропологией романа, рассмотрены в свете нового знания о «преступлении без наказания», — что и сделал Бунин в рассказе «Петлистые уши».

«Знаки», «клеймы там», о которых говорит Порфирий Петрович, — слова, по меньшей мере, двойного кодирования (помимо отмеченных комментаторами), отсылающие нас как к работам по физиогномике, краниологии, френологии, так и к толкованиям ветхозаветной истории о Каине, отмеченного, по преданию, «печатью», выделяющей его чертой.

Такую отличительную физиогномическую «деталь», придающую «необыкновенному человеку» «более наружной определенности», Бунин вынес в название рассказа «Петлистые уши», то есть как бы разрешил вопрос Порфирия Петровича: «При рождении, что ль, знаки такие есть <…> клеймы там, что ли, какие?..». Оказывается, как отмечает Бунин, опираясь на наблюдения антропологов-криминалистов, отличительные знаки есть и это не только петлистые уши

(как будет показано ниже): «— А как же я того выродка узнать могу, если он здоровый, как той кабан? — насмешливо спросил Левченко.

— А по ушам, например, — ответил Соколович не то всерьез, не то насмешливо. — У выродков, у гениев, у бродяг и убийц уши петлистые, то есть похожие на петлю, — вот на ту самую, которой и давят их» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 389].

Но если физиогномические признаки «необыкновенного человека» в романе Достоевского не названы, и ими никак не отмечен Раскольников, то «тень», «печать» Каина пала на его лицо. «И҆ ѡ҆печа́лисѧ Ка́їнъ ѕѣлѡ̀, и҆ и҆спадѐ лицѐ є҆гѡ̀» (Елизаветинская Библия, 1751, Быт 4:5), — свидетельствует Елизаветинская Библия. Святитель Филарет (Дроздов), отталкивающийся от понимания контекста рассматриваемой проблемы, пишет: «Без основания полагают некоторые, что знамение, положенное Богом на Каине, состояло в отличной одежде или в некоем изображении на челе. <...> Начаток страшного знамения на нем положен уже тогда, когда *поникло лице его*» [Филарет, 1835, с. 148].

Толкования святителя Филарета (авторитет митрополита и его влияние на духовные настроения общества безусловны) вполне могли быть дополнительным косвенным источником реплики Порфирия Петровича и — более того — обозначения «печати» Каина на лице Раскольникова: «Ну, разумеется, что я убил старуху, — это я худо сделал... ну, и довольно! В каком-то бессилии дотащился он до конца рассказа и поник головой» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 359]; «Раскольников грустно замолчал и поник головой <...>» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 396].

«Записки» святителя Филарета задают и более ценностно определенный контекст понимания проблемы «каинова следа» в романе, дают возможность функционально-семантическому распределению «ролей» Каина и Бога соответственно между Раскольниковым и Порфирием Петровичем. Митрополит, рассматривая «дело» наказания Каина, пишет о благих побуждениях Бога: «В обличениях Его вообще примечается такой порядок, что Он сперва указует на некоторое видимое и ощутительное зло, которому подвержен грешник, и потом, дабы привести его к покаянию, дает ему разуметь, что оное зло есть следствие греха. В настоящем случае указание на видимое зло заключается в сих словах: *для чего ты огорчился и для чего потупил взоры? <...> Если делаешь добро, если ты благ и непорочен, то отчего поникнуть лицу твоему?*» [Филарет, 1835, с. 137–138].

«Записки, руководствующие к основательному разумению книги Бытия...» по своему духовному содержанию превышают те исторические источники, на которые указывают комментаторы, хотя их и не отменяют, но должны быть «первыми» как «подспорье-основа» в понимании эпизода романа в том смысле, о котором писал еще Аристотель, определяя «первенство» физического и «метафизического»: «Если нет какой-либо другой сущности, кроме тех, состав которых определен природой, то на первом месте среди наук следовало бы ставить физику; а если есть некоторая неподвижная сущность, то наука о ней идет впереди, <она в таком случае> составляет первую философию и является всеобщей в том смысле, что она первая» [Аристотель, 2002, с. 200].

С точки зрения вот такой «первой философии» — «неподвижной сущности» — в романе «Преступление и наказание» функционально-семантически проступают ощутимые контуры библейской сцены «ведающего Бога» и «отпирающегося Каина» в большей степени и значимости, чем при прямом цитировании и узнавании ее в известных словах Ивана Карамазова: «Да я-то тут что? Сторож я, что ли, моему брату Дмитрию? — раздражительно отрезал было Иван, но вдруг как-то горько улыбнулся. — Каинов ответ Богу об убитом брате, а?» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 211].

Девятый-десятый стихи четвертой главы Книги Бытия в переводе святителя Филарета «на русское наречие» звучат так: «И сказал Иегова Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брата моего? Но Бог сказал: что ты сделал? глас крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» [Филарет, 1835, с. 141].

«Сто четыре Священные Истории...» Иоанна Гибнера передают эти стихи таким способом: «По учинении убиения Бог спросил Каина: где брат его Авель? Каин ответствовал сердито: разве я сторож брату моему? Но Бог тем не был доволен и спросил его еще: что ты сделал? Глас крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» [Гибнер, 1815, с. 11].

В романе эпизод обвинения Раскольникова Порфирием Петровичем прописан эмоционально-экспрессивно, но проективно и структурно — по содержанию и вопросительным конструкциям — вполне укладывается в систему отношений «ведающий бог» и «отпирающийся Каин» (действия которого побуждают «ведающего бога» «даже «отшатнуться»):

«— Так… кто же… убил?.. — спросил он, не выдержав, задыхающимся голосом. Порфирий Петрович даже отшатнулся на спинку стула, точно уж так неожиданно и он был изумлен вопросом.

— Как кто убил?.. — переговорил он, точно не веря ушам своим, — да *вы* убили, Родион Романыч! Вы и убили-с… — прибавил он почти шепотом, совершенно убежденным голосом» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 394].

Порфирий Петрович, зная, что Раскольников убийца, «дабы привести его к покаянию, дает ему разуметь», — тем самым дает ему возможность снять с себя «клеймо» Каина: «<…> не должно ли твое лицо быть вознесено, и твоею собственною радостию, и моим (глаголет Бог) благоволением?» [Филарет, 1835, с. 138].

Такой расширительный контекст позволяет рассматривать Раскольникова не только как условно-художественное или культурно-историческое лицо, но и как библейско-типологическое — в ряду предшествующей и последующей традиций, — рассматривать его как «мировое событие», как «вечный образ», в котором вне времени «что-то существует как тождество», соотносимое с «любыми эпохами, с любыми человеческими структурами» [Мамардашвили, Пятигорский, 1999, с. 54].

Приведенных первичных наблюдений и заключений достаточно, чтобы можно было бы сделать и предварительный вывод: вопросы, поставленные в романе, и ответы, прозвучавшие в рассказе, очерчивают таким образом одно общее для Достоевского и Бунина содержательное поле, выявляют их творческий интерес к специфическим проблемам антропологии, к тому, что мы назвали «маргинальной антропологией», — интерес к врожденной склонности «необыкновенного человека» к преступлению. Проблема человека, «по закону природы» наделенного особыми внешними признаками и внутренними качествами, привлекала обоих писателей, хотя они и жили в разное время, и обращались к разным источникам, в которых описывалась антропология «необыкновенных», — эта проблема нуждается в более детальном рассмотрении.

Как нетрудно было убедиться, специфические антропологические сведения писателями черпались из атмосферы всеобщего увлечения физиогномическими и биолого-эволюционистскими теориями, которые вошли, как скажет Н.К. Михайловский, «в большую моду»: «Ныне вошло в большую моду сваливать все беды на злую

природу человека, унаследованную им от далеких предков. <…> сквозь тьму времен сохранилась и выбилась наружу та или другая зверская складка. Это — настоящая мода, обуявшая и людей науки, и представителей искусства, и практических деятелей» [Михайловский, 1896, с. 451].

Изучение психобиологической природы человека явилось своеобразным продолжением антропологических размышлений деятелей Просвещения о доброй и злой природе человека. На новом историческом этапе были получены результаты, дававшие повод строить «объективный» портрет человека, когда религиозное понимание заменялось или дополнялось конкретными антропометрическими наблюдениями и выводами. В общественном сознании сформировалась, как выразился Ч. Дарвин, «дилемма», обозначившаяся как методологическое столкновение между религиозными представлениями о человеке и выявленными эволюционными законами его развития. Ч. Дарвин, обосновавший эволюционную теорию, но остававшийся христианином, изложив свое учение, завершает его словами: «Но, с другой стороны, всемогущий, всеведущий Творец все предвидит, все предопределяет. Таким образом мы останавливаемся перед дилеммой столь же неразрешимой, как свобода воли и предопределение» [Дарвин, 1868, с. 362].

Христианская традиция, гердеровские и руссоистские идеи обусловливали однозначное и изучение, и изображение человека в его онто-антропологической основе как доброго существа. Преступление же мыслилось как отпадение от добра, как «помрачение»: «<…> ваше преступление <…> по совести, оно помрачение и есть» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 396]. По этому поводу — о такой априорности добра и совести — уже иронично писал И. Кант, подвергая философскому сомнению-проверке религиозную истину: «<…> это только добродушное предположение моралистов от Сенеки до Руссо» [Кант, 1965, с. 21].

Позитивизм, дарвинизм и связанные с ними направления мысли скорректировали понимание человека как существа, поведение которого определяется природными законами, наследственностью, не всегда добрыми по своим началам и не заглушаемыми никаким врачующим социальным воздействием: то есть, устранив «неустранимую ценность» «по совести», «мы» неизбежно приходим к выводу (в рамках позитивистской логики): «ваше преступление» есть преступление «по закону природы». Оно претендует стать

выражением в кантовском духе другой неустранимой правды о человеке, утверждением истины «об изначально злом в человеческой природе» [Кант, 1965].

У Достоевского и у Бунина изображение «необыкновенных людей», появление которых объясняется «законом природы», по-разному концептуализировано.

Достоевский, ставя перед собой задачу показать преображающее действие «закона Христа» внутри отдельной человеческой личности, все же маргинальную антропную реальность до конца не развенчивает, оставляет ее «на свободе», «на улице», — в общественном пространстве, тем самым потенциально «позволяет» ей осуществиться: она может найти (как в «Мертвом доме») свое практическое и историческое подтверждение в преступниках «по природе своей». Она, как это предсказывает Порфирий Петрович, может найти свое практическое и историческое подтверждение в действиях большего разрушительного масштаба, рекрутировать «необыкновенных», которые могут отважиться и на большее: «А выдумай вы другую теорию, так, пожалуй, еще и в сто миллионов раз безобразнее дело бы сделали!» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 397].

Какую «раскольниковскую» теорию можно «выдумать» (и «выдумали» впоследствии), опираясь на «закон природы», напоминает Р. Сапольски, цитирующий Конрада Лоренца, нобелевского лауреата, основателя этологии: «Давно установлена невероятно высокая репродуктивность у морально неполноценных <...> Социально низкосортный человеческий материал получил возможность <...> проникать и впоследствии уничтожать здоровую нацию. Отбор по критериям выносливости, героизма, общественной пользы <...> должны взять на себя специальные организации, чтобы человечество не вымерло, позволив неполноценным семейную жизнь и сдавшись на милость предложенному природой отбору. Расовая идея как основа нашего государства уже многого помогла достичь в этом отношении. Мы должны — и обязаны — культивировать в себе здоровые чувства Доброго и Прекрасного и вменить им в обязанность <...> истреблять подонков, заполонивших общество» [Сапольски, 2019, с. 21].

О том, каким «успешным» человеком стал К. Лоренц, культивирующий «здоровые чувства Доброго и Прекрасного» среди избранных, наделенных особыми качествами, Р. Сапольски пишет следующее: «Конрад Лоренц <...> был оголтелым пропагандистом

нацизма <…> Он работал в Канцелярии по расовой политике НСДАП; получил место психолога с правом решать, кто из поляков или поляков с примесью немецкой крови достаточно германизирован, чтобы государство оставило его в живых. Вот вам пример человека, чье научное видение было патологически зашорено чудовищно ошибочными представлениями о роли генов. И ведь это не какие-то ученые из третьеразрядного городка. Мы говорим о влиятельнейших фигурах научного мира XX столетия» [Сапольски, 2019, с. 21].

Таков агрессивно-разрушительный потенциал «раскольниковской» теории, «отпущенной на свободу», на которую откликаются не только отдельные особи, но и целые нации, находящие в себе соответствующие отличительные признаки.

Порфирий Петрович не только следователь-провидец, но и антрополог-классификатор, обнаруживающий знание разных человеческих типов (его вопрос Раскольникову о «клеймах» был для него не случаен): «<…> да вы-то все-таки не безнадежный подлец. Совсем не такой подлец!» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 397].

Значит, есть и «такие подлецы», которые могут «в сто миллионов раз безобразнее дело» сделать. Можно полагать, что Порфирий Петрович в силу своей профессии знает их и о них: они не только потенциально, но и реально существуют. Достоевский знал по каторге таких «подлецов», которых по внешним признакам можно было отличить и понять, что они готовы «в сто миллионов раз безобразнее дело» сделать. Так, в Газине легко угадывались «клеймы», подтверждающие справедливость физиогномических наблюдений: «Мне всегда казалось, что ничего не могло быть свирепее, чудовищнее его <…> с безобразной, непропорционально огромной головой» [Достоевский, 2013–, т. 4, с. 43]. Ужасные слухи о его «удовольствии» резать с наслаждением маленьких детей, может быть, и были выдумками, как отмечает автор, «<…> но все эти выдумки как-то шли к нему, были к лицу» [Достоевский, 2013–, т. 4, с. 44].

Вдумаемся в физиогномическую подробность: «выдумки» — какое колоритное «внутреннее» слово — не просто «как-то шли к нему», а — с уточнением — «были к лицу». С лица Газина можно было «считать» самое ужасное (а психоментально попросту извлечь животный «страх и трепет» из собственной поверженной души, вытащить, вынуть из себя ужасную «думку»), «уверовать» в запредельное и недопустимое, но по христианской истории узнаваемое:

«<...> он любил прежде резать маленьких детей, единственно из удовольствия: заведет ребенка куда-нибудь в удобное место; сначала напугает его, измучает и, уже вполне насладившись ужасом и трепетом бедной маленькой жертвы, зарежет ее тихо, медленно, с наслаждением» [Достоевский, 2013–, т. 4, с. 43–44].

Таким же преступным типом «по природе своей» является и Коренев, которого автор «Записок» встретил в пересыльной тюрьме в Тобольске: «Тот был дикий зверь вполне, и вы, стоя возле него и еще не зная его имени, уже инстинктом предчувствовали, что подле вас находится страшное существо. Но в том ужасало меня духовное отупение. Плоть до того брала верх над всеми его душевными свойствами, что вы с первого взгляда по лицу его видели, что тут осталась только одна дикая жажда телесных наслаждений, сладострастия, плотоугодия» [Достоевский, 2013–, т. 4, с. 51]. В восприятии Коренева Достоевский «активизирует» даже не собственный взгляд, а животный инстинкт воспринимающего: каждый инстинктом самосохранения почувствует, что рядом находится «страшное существо». И точно так же, как и Газина, Коренева выдавало лицо: преступника в нем можно было узнать «с первого взгляда по лицу».

В духе последующих характеристик антропологов-криминалистов Достоевский описывает и «нравственного Квазимоду», повстречавшегося ему на каторге: «На мои глаза, во всё время моей острожной жизни, А—в стал и был каким-то куском мяса, с зубами и с желудком и с неутолимой жаждой наигрубейших, самых зверских телесных наслаждений, а за удовлетворение самого малейшего и прихотливейшего из этих наслаждений он способен был хладнокровнейшим образом убить, зарезать, словом, на всё, лишь бы спрятаны были концы в воду. Я ничего не преувеличиваю; я узнал хорошо А—ва. Это был пример, до чего могла дойти одна телесная сторона человека, не сдержанная внутренно никакой нормой, никакой законностью. <...> Это было чудовище, нравственный Квазимодо» [Достоевский, 2013–, т. 4, с. 68–69].

Явным «прирожденным преступником», не испытывающим чувств раскаяния, представлен и Петров: «Он на все способен; он ни перед чем не остановится, если ему придет каприз. Он и вас зарежет, если ему это вздумается, так, просто зарежет, не поморщится и не раскается» [Достоевский, 2013–, т. 4, с. 93].

Характеристики преступных типов, приводимые Достоевским в «Записках из Мертвого дома», послужили в дальнейшем антро-

пологам-криминалистам надежным источником для системного описания «прирожденного преступника», для научного обоснования «объективности» такого типа.

«Проблема Раскольникова уже намечена <...> Руссоизм, гуманизм, утопизм — все разлетелось вдребезги» [Мочульский, 1995, с. 314], — лаконично и точно определил К.В. Мочульский влияние «Записок из Мертвого дома» на специфическую («маргинальную») проблематику романа «Преступление и наказание» и на все последующее творчество писателя. Потенциально в романе Достоевского «прирожденный преступник» «при дверях». После «Записок из Мертвого дома» он не исчез как необоснованное теоретическое допущение или как неточность физиогномического наблюдения: он описан и концептуализирован. Его появление в бытовой и исторической жизни всегда возможно неожиданно устрашающе и вдруг, по слову поэта: «Как в гробовой сосновой раме, / В дверях Преступный Тип встает» [Тарковский, 1991, т. 2, с. 14].

Бунин же, обращаясь к достижениям в области уголовной антропологии, изображает «прирожденного преступника» как научно обоснованную и поэтому неизбежную «ужасную реальность». В рассказе «Петлистые уши» внешность и поведение «прирожденного преступника», наделенного к тому же, как и Раскольников, умением оправдывать свои действия, свою антропность «законом природы» и примерами злодеяний великих людей, являются живой литературной иллюстрацией учения итальянской школы уголовного права о преступнике. Если Достоевский выводит сомневающегося героя, претендующего на исключительность, представляет его как человека, не угадавшего своего «разряда», то Бунин показывает уверенного в себе героя, ни на секунду не сомневающегося, что он «право имеет». Раскольников смотрит на Наполеона-завоевателя как на пример для подражания и «по природе своей» проигрывает в сравнении с ним, а Соколович, «с непонятной серьезностью» смотрящий на памятник Александру III [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 386], — на императора, прозванного в народе Миротворцем, — своей природой преступника словно бросает вызов миролюбивому царю и в его лице благородной природе человека.

То, что в романе Достоевского оставалось «побочной» проблемой антропологических размышлений, в рассказе Бунина стало основной темой изображения: человек-преступник, появление кото-

рого определяется регрессивными процессами, совершает злодеяния не под влиянием плохого воспитания и сложившихся обстоятельств, а «по природе своей». При создании образа Адама Соколовича Бунин воспользовался данными уголовной антропологии об атавистических проявлениях в человеке.

Суть атавизма выразил еще Ч. Дарвин. «Реверсия, или атавизм», по определению Ч. Дарвина, это «возвращение назад» [Дарвин, 1868, с. 29]; «признак <...>, исчезнувший в течение одного или нескольких поколений, вдруг появляется вновь» [Дарвин, 1868, с. 30]. Атавизм, повторяет уже на русской почве В.М. Флоринский, — это «возврат к родичам» [Флоринский, 1866, с. 40]. Атавизм определялся учеными как наследственная передача биологическим индивидам особенностей инстинктивно-первобытных, чувственных, телесно-анатомических, психических задатков, принадлежащих их отдаленным предкам. Наличие атавистических признаков в человеке выделяет его из себе подобных: таких «избранных» индивидов, писал Ф. Гальтон, «не более одного на несколько миллионов» [Гальтон, 1875, с. 12].

В романе Достоевского Раскольников в предположительной форме говорит о законе, в соответствии с которым появляется «необыкновенный человек»: «Огромная масса людей, материал, для того только и существует на свете, чтобы наконец, чрез какое-то усилие, каким-то таинственным до сих пор процессом, посредством какого-нибудь перекрещивания родов и пород, понатужиться и породить наконец на свет, ну хоть из тысячи одного, хотя сколько-нибудь самостоятельного человека. <...> Гениальные люди — из миллионов, а великие гении, завершители человечества, — может быть, по истечении многих тысячей миллионов людей на земле» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 225].

Людей, о которых говорит Раскольников и которых рождает, «понатужившись», природа, в бунинскую эпоху назвали «выродками». Так их определил М. Нордау в своем фундаментальном сочинении «Вырождение»: «Атавизм — один из самых существенных признаков вырождения» [Нордау, 1902, т. 4, с. 138].

Характеристика «выродков» велась в научной литературе в двух направлениях: люди, уклонившиеся от эволюционной нормы, или гениальны [Ломброзо, 1885], [Сегалин, 1925, с. 7–23], или преступны. В преступном типе обнаруживается возврат к звериным, хищническим рефлексам, «возвращение к первобытному зверству»

[Нордау, 1902, т. 4, с. 138], когда уже не действует высшая форма психической деятельности — нравственная воля, или «задерживающая сила» [Рибо, 1898, с. 245], способная обуздать в нормальном человеке вдруг возникающую преступную страсть: поэтому не все люди, по замечанию Т. Рибо, являются «кандидатами каторги» [Рибо, 1898, с. 246].

Ученые даже пришли к заключению (вполне повторяя-подтверждая слова Раскольникова), что «выродки» вносят в общественную жизнь больше изменений, чем обычные антропологические типы. «В общем история человеческого прогресса, — пишет Э. Ферри, — во многом обязана гениальным помешанным или даже преступникам; это люди гораздо менее других подвержены влиянию условностей, умственных и общественных привычек, меньше заботятся о собственной выгоде, а потому дают решающий толчок осуществлению реформ <…>» [Ферри, 1908а, с. 35–36].

Именно в таком атавистическом значении употребляет это слово Бунин, называя даже людей с необычной «чувственной памятью» (Будду, Л.Н. Толстого) «вырождающимися» людьми [Бунин, 1965–1967, т. 9, с. 47]. Таким же человеком ощущает себя и герой бунинского рассказа «Петлистые уши» Адам Соколович: «Я так называемый выродок» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 389]. В черновой рукописи рассказа в большей степени видно влияние атавистических определений и характеристик на высказывание писателя о «выродке» Адаме Соколовиче. Герой признается: «Я <…> считаю себя человеком из ряда вон выходящим, в смысле же художественных восприятий — гением, уже хотя бы по той простой причине, что ведь все великие художники, мыслители образами, мир ощущающие столь плотоядно и кое в чем памятливые на редкость, суть представители крайнего атавизма: вспомните хотя бы гениальную чувствительность, ужасную голову, ужасное лицо и мясистые, черт знает где сидящие уши Толстого! Я могу только без конца долбить вам, что я выродок, в некоторых смыслах, натура в сто раз более цельная, чем вы» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 443–444].

Главный герой рассказа Адам Соколович — «прирожденный преступник», тип, созданный Буниным словно по учебнику уголовной антропологии. В свете антропологической теории уголовного права в Адаме Соколовиче легко узнается по характерным признакам преступник: «Необыкновенно высокий, худой и нескладный, долгоногий и с большими ступнями, с свежевыбритым ртом и

желтоватой, довольно редкой американской опушкой под сильно развитой нижней челюстью с лицом мрачным, недоброжелательным и сосредоточенным, не выпуская длинных рук из карманов и равномерно жуя мундштук папиросы, он подолгу стоял перед витринами» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 386–387]. Причем писатель подчеркивает и уточняет некоторые приметы внешности Соколовича, как бы выводя определение типа «прирожденного преступника» не из отдельных черт, а из системных признаков: «необыкновенно высокий человек», вызывающий «чувство смутной неприятности, какого-то беспокойства» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 386]; левша, «на удлиненной плоской кисти синела татуировка» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 388]; «Почти противоестественно выделяясь над толпой своим ростом, он мерно клал по панели свои длинные ступни, все время начиная с левой ноги делая левый шаг шире правого»; «Большое лицо его было свирепо в своей сосредоточенности» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 392]; он поражал «ростом, мрачно-сосредоточенным видом и жидкой <...> бородкой»; он был «большим, сильным, цельным в своем безобразии и беспощадной мрачности» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 395]. В черновой рукописи об Адаме Соколовиче сказано, что он поражал «своим свирепым уродством» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 443]. По «беспощадной мрачности» герой Бунина сопоставим с героем Достоевского из «Записок из Мертвого дома»: «Этот Газин был ужасное существо. Он производил на всех страшное, мучительное впечатление» [Достоевский, 2013–, т. 4, с. 43].

Изображение Адама Соколовича удивительно схоже с описанием «прирожденного преступника», данным Ч. Ломброзо, Э. Ферри, М. Нордау и другими представителями криминальной антропологии. Согласно их наблюдениям, «прирожденному преступнику» присущи некоторые внешние характерные признаки, «стигматы»: физическая громадность, чрезмерное развитие отдельных частей тела, удлиненность рук, большая развитость левых конечностей (левша), широкая, массивная нижняя челюсть, в постоянном движении жевательные мышцы лица, асимметрия лица и его мрачность, стремление выделить себя особым знаком — татуировкой, необычная походка преступника, делающего более крупные шаги левой ногой, отчего он уклоняется вправо от прямой линии. Вот как характеризует «прирожденного преступника» Ч. Ломброзо, утверждающий на основании многочисленных наблюдений, что «ясно видны анатомические особенности преступ-

ника» [Ломброзо, 1892, с. 24]: «У убийц <...> сильно выраженный челюстный диаметр, выдающиеся скулы, черные и густые волосы, отсутствие бороды и бледность лица» [Ломброзо, 1892, с. 45]; «Подобное чисто анатомическое превосходство левой половины тела подтверждено также мною <...> у 100 врожденных преступников» [Ломброзо, 1892, с. 61–62]; «В противоположность нормальным людям у преступников левый шаг вообще длиннее правого; кроме того шаг преступника отклоняется от осевой линии более вправо, чем влево» [Ломброзо, 1892, с. 69].

Конечно, антрометрически Раскольников — полная противоположность Адаму Соколовичу и не соответствует «параметрам» «прирожденного преступника»: «Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 6].

Но в типе «прирожденного преступника» важны не только детали, черты его внешности. Обобщая достижения итальянской школы уголовной антропологии, В.Д. Спасович пишет о необходимости определять преступника даже не по деталям, а «по образу», «по выражению лица»: «Преступник узнается не столько по глазу, сколько по взору, не столько по форме рта, сколько по улыбке, не столько по росту, сколько по походке, вообще по цельному выражению лица» [Спасович, 1891, с. 484].

Другими словами: физические черты и анатомические признаки — это только часть образа «прирожденного преступника», они только внешние знаки совершенно особой его психики и чувствительности. «Важнейшею органической особенностью предумышленных убийц, — раскрывает их психологию Э. Ферри, — служащею основанием почти всего их психического организма, является прежде всего ненормальность их физиологической чувствительности. <...> Этой физиологической нечувствительности убийцы соответствует, как обратная сторона поверхности, его *психическая или нравственная нечувствительность*» [Ферри, 1888, с. 6].

Осязание, обоняние, вкус — все формы восприятия у «прирожденных преступников» искажены. Ненормальной чувствительности соответствует и их нравственное равнодушие, «глубокая нравственная дегенерация» [Ферри, 1888, с. 19]. Убийство они совершают безжалостно, с холодной жестокостью, «с жестокостью Нерона», сопровождая подчас убийство женщин похотью и насилием [Сигеле, 1893, с. 72].

Антропологи-криминалисты сообщают о многочисленных примерах дегенеративно-утонченной жестокости известных в Европе убийц. «Нечувствительность, — заключает Э. Ферри, — доходит даже до возможности спать обычным и спокойным сном рядом с убитой жертвой <...> как будто ничего особенно не случилось» [Ферри, 1888, с. 8]..

Все свои наблюдения-исследования антропологи позитивной школы уголовного права строили, исходя из убеждения, что «прирожденные преступники» стремятся к совершению убийств и насилий по смутному зову природы, «по природе своей».

Не сбрасывая со счетов значение различных факторов преступления: индивидуальных, политических, социально-экономических, космотеллурических [Ферри, 1908б, с. 184–185, 193], — антропологи-криминалисты все же главную причину появления «прирожденных преступников» видели в наследственности, в атавизме, в пробуждении в человеке звериных качеств доисторического предка: «Склонность к преступлению заложена у них наследственностью» [Лесевич, 1917, с. 460].

«После длинного ряда поколений, дрессированных и цивилизованных, — пишет В.Д. Спасович, — может родиться правнук с характерными чертами отдаленных предков, вполне похожий на тех праотцев пещерного периода, когда убийство, грабежи и то, что мы называем преступлением, были всеобщими правилами действий. Путем этой наследственности в каждом дитяти проявляется пережитое прошлое, задатки преступности: гнев, мстительность, жестокость, лживость, эгоизм. Эти семена зла исчезают потом при воспитании, под влиянием общежития, но есть известный процент особей с превратными наклонностями, которые остаются таковыми всю жизнь» [Спасович, 1891, с. 445].

Излагая суть учения о «прирожденном преступнике» своего учителя и друга Ч. Ломброзо, М. Нордау пишет: «По этой теории сущность преступления может быть выражена одним словом — атавизм. Оно рассматривается как повторение в нашей среде таких явлений, которые в настоящее время, на фоне современной цивилизации, являются исключительными и выходящими из нормы, но которые были обычными и нормальными в жизни первобытного человека <...> Он предавался всем порокам с полным убеждением в их нормальности и совершал всякие преступления от воровства до убийства и людоедства включительно» [Нордау, 1903, с. 10, 12].

Вот такую атавистическую особь изображает Бунин в рассказе «Петлистые уши». Адам Соколович — живая иллюстрация и активный идеолог позитивистско-антропологических теорий о «прирожденном преступнике»: он «дегенеративный убийца по наследственному влечению» [Ферри, 1888, с. 4].

Как уже отмечалось, Соколович — выродок, атавистический тип — является носителем внешне характерных антропологических признаков. Об одном из них, весьма существенном, он говорит сам: «У выродков, у гениев, у бродяг и убийц уши петлистые, то есть похожие на петлю» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 389].

Смысл его слов будет более понятен, если вспомнить, что классификациям ушей преступника были посвящены исследования, в которых в частности описывались и «петлистые уши». Изучение ушей преступника было таким пристальным потому, что, как писал Ч. Ломброзо, «ушная раковина занимает первое место среди органов, указывающих на вырождение» [Ломброзо, 1892, с. 54], а «петлистые уши (à anse)», «дарвиновские уши» с явными аномальными признаками характерны для типичного преступника: «<…> у преступников чрезвычайно часто встречаются дарвиновские уши» [Ломброзо, 1892, с. 56–57].

По наблюдениям М. Нордау, у атавистических особей заметно «несовершенство ушной раковины, бросающейся в глаза благодаря ненормальной величине или торчащей, как ручки у горшка; отсутствие или недоразвитие мочки, незагнутые края уха» [Нордау, 1902, т. 2, с. 27]. Э. Ферри и Г. Тард также говорят об этой особенности: уши у преступников «заостренные, с так называемой *мочкой* (lobula) *Дарвина*» [Ферри, 1908а, с. 31], «некрасивой формы, заостренные кверху, с нижней мочкой мало отделенной, или квадратной» [Ферри, 1908а, с. 34], — «с дарвиновским бугорком (выпуклость, служившая кончиком первобытного уха у животных)» [Тард, 1906, с. 23]. Х.М. Шилле-Школьни в практическом руководстве по физиогномике френологии обобщает наблюдения ученых об ушах атавистических типов в лаконичном «формульном» определении: «Заостренные кверху уши признак грубости и зверских инстинктов» [Шилле-Школьни, 1912, с. 44].

Но все же главное в Адаме Соколовиче не внешние характерологические приметы, по которым его легко можно распознать как «прирожденного преступника», а отклонения в чувственном

восприятии, прописанные Буниным в соответствии с классификационными признаками уголовной антропологии.

Даже такая «случайная» подробность, как откровения Соколовича «в дешевом ресторане», соответствует «научным» данным о психологии преступника. «Косвенное доказательство склонности к пролитию крови, — пишет Э. Ферри, — представляют столь часто встречающиеся сообщения убийц о своих преступных намерениях до приведения их в исполнение, сообщения, делаемые приятелями, даже и не соучастникам, а иногда в большом собрании людей, в кабаке и т.д.» [Ферри, 1888, с. 22].

В дешевом ресторане Адам Соколович спокойно рассказывает собутыльникам об особенностях своего психофизиологического восприятия: «Я уж не раз говорил вам, что вино на меня мало действует и не доставляет мне особого удовольствия. Вкус у меня притупленный. Я так называемый выродок. <...> У всякого выродка одни восприятия и способности обострены, повышены, а другие, напротив, понижены» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 389].

«Вкус у меня притупленный», — говорит Соколович, словно подтверждая научную точность результатов, полученных Ч. Ломброзо при исследовании преступников: «У преступников всегда замечалось некоторое притупление вкуса» [Ломброзо, 1892, с. 69]. Слова Адама Соколовича и все его дальнейшие действия и поведение: удушение женщины, «спокойный сон рядом с убитой жертвой», хладнокровие и презрение ко всему окружающему, — все это говорит о точности психофизического портрета, выполненного Буниным с ориентацией на антропометрические данные о «прирожденном преступнике», а также соответствует мировоззренческому выводу, который утверждает и сам Соколович: «И вообще пора бросить эту сказку о муках совести, об ужасах, будто бы преследующих убийц. Довольно людям лгать, будто они так уж содрогаются от крови. Довольно сочинять романы о преступлениях с наказаниями, пора написать о преступлении без всякого наказания» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 389].

Вполне очевидно, что Адам Соколович не видит в Раскольникове качеств «прирожденного преступника», но видит необходимость скорректировать представления о природе человека на основании новых антропологических изучений и собственного мировосприятия. Раскольников сам себя после «проверки» не считает «право имеющим», но тем самым не отрицает возможности их появления в обществе: «Принцип-то я и убил, а переступить-то не переступил,

на этой стороне остался... Только и сумел, что убить. Да и того не сумел, оказывается... <...> Эх, эстетическая я вошь, и больше ничего <...>» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 235].

Но с другой стороны, если бы в эпоху Достоевского действовала система обвинения, которая опиралась бы на критерии уголовной антропологии, то обвинитель вполне мог бы набрать достаточно классификационных признаков, чтобы увидеть в Раскольникове, который «был замечательно хорош собою», тип «прирожденного преступника».

Так оно и случилось в другую эпоху. В рассказе Бунина «Дело корнета Елагина» прокурор, придерживаясь не оправдательной методики, а новомодной методики обвинения подсудимого «по Ломброзо», определяет героя «из родовитой и богатой семьи» [Бунин, 1965–1967, т. 5, с. 272] как «прирожденного убийцу»: «Есть два разряда преступников. Во-первых, преступники случайные, злодеяния которых есть плод несчастного стечения обстоятельств и раздражения, научно называемого “коротким безумием”. И, во-вторых, преступники, совершающие то, что они совершают, по злому и преднамеренному умыслу: это прирожденные враги общества и общественного порядка, это — уголовные волки. К какому же разряду причислим мы человека, сидящего перед нами на скамье подсудимых? Конечно, ко второму. <...> личность, по-моему, с резко выраженными дегенеративными особенностями <...>» [Бунин, 1965–1967, т. 5, с. 267–268, 272].

Раскольникова тоже по некоторым классификационным признакам уголовной антропологии можно было бы отнести к типу «прирожденного преступника», если сравнить, как ведут себя «предумышленные убийцы», по описанию антропологов-криминалистов, и герой Достоевского во время своего преступления.

«Предумышленный убийца так глубоко выродился, что не останавливается ни перед лишением жизни, ни перед воровством» [Ферри, 1888, с. 7], — пишет Э. Ферри, давая формальный повод причислить Раскольникова к особой касте убийц. Но больше обнаруживается внутренних — мотивационных и психофизиологических — совпадений в поведении Раскольникова и «прирожденных преступников», как их определяли представители итальянской школы уголовной антропологии.

По утверждению Э. Ферри, «прирожденный преступник» относится к убийству как к «*делу*» [Ферри, 1888, с. 21]. Излишне

напоминать, что Раскольников изначально задумывает и исполняет преступление как «дело» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 6].

«Прирожденный преступник» при совершении убийства стремится «подстраховать» свои действия: он чрезмерно жесток в нанесении смертельных ран, инстинктивно желает, чтобы «нож вошел глубоко» [Ферри, 1888, с. 7]. Действия Раскольникова и в убийстве Алены Ивановны, и Лизаветы также чрезмерны и даже жестоки: «Но как только он раз опустил топор, тут и родилась в нем сила. <…> Удар пришелся в самое темя <…>. Тут он изо всей силы ударил раз и другой, всё обухом и всё по темени. Кровь хлынула, как из опрокинутого стакана <…>. Ему вдруг почудилось, что старуха, пожалуй, еще жива и еще может очнуться. Бросив ключи и комод, он побежал назад, к телу, схватил топор и намахнулся еще раз над старухой, но не опустил. <…> В нетерпении он взмахнул было опять топором, чтобы рубнуть по снурку тут же, по телу, сверху, но не посмел <…>» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 68–69]; «Удар пришелся прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 71].

При этом «прирожденный преступник» стремится быть предельно аккуратным, чтобы не «испачкаться» преступлением. Э. Ферри приводит признание такого «чистюли»: «Наконец я взял тряпку, чтобы вытереть пол, который окровавился, хотя я из предосторожности и ставил под трупом лоханку» [Ферри, 1888, с. 8]. Раскольникову в желании быть аккуратным во время убийства тоже нельзя отказать. Он старался «не замараться текущею кровию» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 69]: «Он вспомнил потом, что был даже очень внимателен, осторожен, старался все не запачкаться…» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 69]; «Впрочем, взглянув на кухню и увидав на лавке ведро, наполовину полное воды, он догадался вымыть себе руки и топор» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 71].

«Прирожденного преступника», продолжает Э. Ферри, отличает «*отсутствие раскаяния* после преступления» [Ферри, 1888, с. 20]. Достоевский словно уловил такую склонность преступника и пишет о Раскольникове уже в конце романа: «Но он не раскаивался в своем преступлении» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 468].

Раскольникову (как совершившему предумышленное убийство) повезло, что в его время не сложилась в юридической практике классификация преступных типов по методам уголовной антропологии. Ему повезло и со следователем Порфирием Петровичем, который мо-

жет таким образом «там» все «подделать и устроить» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 396], что в дальнейшем в суде смогут квалифицировать его преступление по другой уголовной статье: «Всю эту психологию мы совсем уничтожим, все подозрения на вас в ничто обращу, так что ваше преступление вроде помрачения какого-то представится, потому, по совести, оно помрачение и есть» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 396], Так оно и было определено в суде: «<…> самое преступление не могло иначе и случиться как при некотором временном умопомешательстве, так сказать, при болезненной мономании убийства и грабежа, без дальнейших целей и расчетов на выгоду. Тут, кстати, подоспела новейшая модная теория временного умопомешательства, которую так часто стараются применять в наше время к иным преступникам» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 461] (в «Деле корнета Елагина» — в другую эпоху — «предумышленное убийство», инкриминированное герою, объяснялось уже не «новейшей модной теорией временного умопомешательства», не учением о «коротком безумии» преступника, а другой «новейшей модной теорией» о «прирожденном преступнике»).

Раскольников как переходная натура (как «иной преступник»), чтобы спастись, обрести свою цельность и остаться по эту сторону добра и зла, нуждается в других людях, в тех, кто живет с Господом в сердце («О, Господи!.. Ох, я несчастная!.. И зачем, зачем я тебя прежде не знала! Зачем ты прежде не приходил? О, Господи!» — обращается Соня в призывании Бога к Раскольникову [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 355]). Герой Бунина Адам Соколович по-звериному натура цельная: и в других людях не нуждается или нуждается как человек-хищник в своей жертве. (Попадись Соня на его пути, окажись она на месте той, которая осталась лежать задушенной двумя подушками в гостиничном номере, и не было бы у русской литературы Сони Мармеладовой). Герой Бунина (как и Газин, Коренев, Петров, А—в из «Записок из Мертвого дома») жестокий и безжалостный человек, мук совести не испытывает, но не потому, что он был плохо воспитан и ему не привили в детстве нравственных качеств. Он равнодушен по своей природе, нравственная атрофия у него атавистична. Он «прирожденный преступник». В отношениях с ним человек всегда «беззащитная жертва», попадающая «в номер», в котором «так страшно тихо, как не бывает, когда есть в нем хотя бы и спящий человек» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 397]. О ему подобных В.В. Лесевич пишет: «О пробуждении совести, раскаяния и исправ-

лении такого рода людей не может быть и речи — это преступники “прирожденные”: они стремятся к совершению убийства, истязаний, насилий роковым, неотвратимым образом» [Лесевич, 1917, с. 460].

Таким образом, Бунин, опираясь на данные итальянской школы уголовной антропологии, развивает и усиливает идеи об особой породе людей, высказанные Достоевским в романе «Преступление и наказание». И в этом смысле можно говорить не о полемике Бунина с Достоевским, а о детальной проработке проблемы, которая волновала обоих писателей. Только в отличие от Достоевского Бунин ведет своего героя Адама Соколовича не к обновлению и перерождению, а сюжетно отпускает его на свободу: «Он <...> густо сказал себе в бороду: “До свиданья”, — и вышел на улицу, на сырой и свежий воздух. <...> Соколович повернул направо и скрылся вдали» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 397].

Точно так же «отпущены на волю» два преступника в «Страшном рассказе» Бунина. Они, зарезавшие просто так старую француженку, оказались исполнителями живущего в них «остатка хаоса» и звериной жестокости самой природы: «Зарезали они, те двое, что сидели в саду. А зачем — непостижимо: они не унесли, не тронули ни единой вещички. <...> И следы одного были не совсем обычны, широко расставлены друг от друга, кривы... Несомненно, он был криволап. <...> Все-таки самое страшное на земле — человек, его душа. И особенно та, что, совершив свое страшное дело, утолив свою дьявольскую похоть, остается навсегда неведомой, непойманной, неразгаданной» [Бунин, 1965–1967, т. 5, с. 339–340].

Бунин «отпускает на свободу» «прирожденных преступников», а Достоевский — теорию Раскольникова: исторически акт «второго» творения не завершен, культура вновь и вновь стремится поправить онто-антропологический результат «шестого дня», потому что Каин в род человеческий снова и снова возвращается, а может быть, из него никуда и «не уходил». Об этом Бунин напоминает апокрифической легендой в рассказе «Город царя царей»: «Авель, не пожелавший противиться Божьему запрету, остался в раю. Каин последовал за родителями. Но всюду и непрестанно томила его тоска по оставленному раю, и вот, постранствовав в мире, возвратился он в рай и убил Авеля, дабы владеть раем “нераздельно и вечно”» [Бунин, 1965–1967, т. 5, с. 131].

Бунин, как и Достоевский, осмысливает и проблему свободы воли преступника, право имеющего. Если для Раскольникова убийство

есть акт выражения свободной воли, ее проверка: «Я... я захотел *осмелиться* и убил... я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 361], — то Бунин показывает героя как исполнителя «темной» воли природы: воля убийцы есть воля самой природы. «Прирожденный преступник» действует не по воле своей, а по воле природы. За ним стоят темные силы природы, звериные инстинкты человеческого рода. В этом смысле «прирожденный преступник» не является индивидуальностью, он — тип, слепок диких, необузданных начал природы. Он унаследовал просто-напросто одну из тех неизбежностей человеческой природы, которая повсеместно реализовывалась, начиная с библейских времен (от Адама и Каина), и успешно осуществляется в современной истории — это страсть к насилию, «самая свирепая и самая обыденная жестокость к так называемому ближнему» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 391]. Адам Соколович — закономерное дитя человеческого рода, «продукт» эволюционного сбоя. В нем сказалась работа наследственных механизмов, тех, о которых писали и специалисты по уголовной антропологии и представители других областей знания. Закон наследственности, по словам И.И. Мечникова, «обуславливает передачу не только грубых физических признаков, но и таких черт, как, например, болезненное расположение, самые болезни, как телесные, так и так называемые душевные и даже свойства характера и наклонность к преступлениям» [Мечников, 1950–1964, т. 13, с. 116].

Если Раскольников стремится быть идеологом преступления без наказания, то Адам Соколович таким является и в «слове», и в «деле». При этом фактологическая аргументация обоих героев во многом одинаковая.

Раскольников в обосновании своей теории преступления обращается к историческим примерам: «<...> ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами, и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 222–223].

Но если теория Раскольникова и исторический ряд примеров о вершителях судеб человеческих в большей степени психологичны, мотивационно направлены на самого героя: в них он «заглядывает» словно в зеркало и не видит в них желаемого отражения, — то Адам Соколович в психологических оправданиях не нуждается: обращаясь к той же самой исторической аргументации и расширяя ее границы до мифов и священных текстов, он выходит на уровень универсального обобщения и стремится утвердить антропологическую истину о человеке-преступнике.

Герой Бунина сам есть закономерное воплощение природно-исторической эволюции человека-убийцы, который снимает с себя перед лицом Бога, природы и истории всякие обвинения в личностных мотивациях быть убийцей. Адам Соколович свидетельствует (цитата того заслуживает): «Страсть к убийству и вообще ко всякой жестокости сидит, как вам известно, в каждом. А есть и такие, что испытывают совершенно непобедимую жажду убийства, — по причинам весьма разнообразным, например, в силу атавизма или тайно накопившейся ненависти к человеку, — убивают, ничуть не горячась, а убив, не только не мучаются, как принято это говорить, а, напротив, приходят в норму, чувствуют облегчение, — пусть даже их гнев, ненависть, тайная жажда крови вылилась в форму мерзкую и жалкую. <…> Уголовные хроники тоже сплошь состоят из записей о самом жестоком спокойствии, цинизме и резонерстве самых кровавых преступников. Но дело, однако, не в выродках, не в палачах и не в каторжниках. Все человеческие книги — все эти мифы, эпосы, былины, истории, драмы, романы, — все полны такими же записями, и кто же это содрогается от них? Каждый мальчишка зачитывается Купером, где только и делают, что скальпы дерут, каждый гимназист учит, что ассирийские цари обивали стены своих городов кожей пленных, каждый пастор знает, что в Библии слово "убил" употреблено более тысячи раз и по большей части с величайшей похвальбой и благодарностью Творцу за содеянное. <…> Ну нет, — сказал он, кося брови и отводя глаза в сторону, — с Каином гориллам двуруким нечего равняться! Далеко ушли они от него, давно потеряли наивность — вот с тех самых пор, вероятно, как построили Вавилон на месте своего так называемого рая. У горилл настоящих еще не было ни этих ассирийских царей, ни Цезарей, ни инквизиции, ни открытия Америки, ни королей, подписывающих смертные приговоры с сигарой во рту… <…> мучились все эти го-

спода муками Каина или Раскольникова? Мучились всякие убийцы тиранов, притеснителей, золотыми буквами записанные на так называемые скрижали истории? Мучаетесь вы, когда читаете, что турки зарезали еще сто тысяч армян, что немцы отравляют колодцы чумными бациллами, что окопы завалены гниющими трупами, что военные авиаторы сбрасывают бомбы в Назарет? Мучается какой-нибудь Париж или Лондон, построенный на человеческих костях и процветающий на самой свирепой и самой обыденной жестокости к так называемому ближнему? Мучился-то, оказывается, только один Раскольников, да и то только по собственному малокровию и по воле своего злобного автора, совавшего Христа во все свои бульварные романы. <...> В войнах участвуют теперь уже десятки миллионов. Скоро Европа станет сплошным царством убийц. Но ведь всякий отлично знает, что мир ни на йоту не сойдет с ума от этого. Говорили когда-то, что на Сахалин поехать очень страшно. Но желал бы я знать, кому придет в голову побояться поехать через год, через два, когда кончится война, по Европе?» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 389–391].

У Раскольникова хотя и другой ряд исторических примеров, но и у него на каторге во время болезни в бредовом состоянии возникает такое же апокалипсическое видение: «Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 471].

Идейная направленность рассказа «Петлистые уши» позволяет рассматривать его и в контексте тех предупреждений, которые произносили сторонники метода уголовной антропологии. «В роде человеческом, — писал В.Д. Спасович, — есть особый вид, отличающийся характерными признаками, — человек-преступник. <...> В целой армии разрушителей общественного порядка главный корпус составляют лица, роковым образом по своей организации созданные для преступления, так называемые прирожденные преступники» [Спасович, 1891, с. 445]. Но одно дело, когда «прирожденным преступником» является частное лицо, не наделенное социально-политической властью, и другое дело, когда, по словам В.В. Лесевича, «дегенеративная личность», страдающая «нравственным идиотизмом», сосредоточивает в своих руках власть, то она тогда стремится

«к подчинению общественных интересов своим личным, эгоистическим целям» [Лесевич, 1917, с. 551]. Еще определеннее по этому поводу говорит М. Нордау, рассматривая «прирожденных преступников» с социально-исторической точки зрения: «Это ставит людей, обладающих исключительной силой, но лишенных чувствительности, в одну категорию с паразитами и роднит историю завоевателей, тиранов, диктаторов, политических террористов с криминологией» [Нордау, 1903, с. 31]. Подобного рода высказывания антропологов находятся в смысловом единстве с теми оценками, которые выносят Раскольников и Соколович о «право имеющих». Герой Достоевского говорит о том, что «законодатели и установители человечества <...> все до единого были преступники <...> были особенно страшные кровопроливцы» [Достоевский, 2013–, т. 6, с. 222–223]. Эту же мысль, но в более заостренной форме выражает Адам Соколович, называя творцов истории за их неисчислимые злодеяния «гориллами двурукими» [Бунин, 1965–1967, т. 4, с. 390].

Таким образом, как бы ни оценивать отношение Бунина к Достоевскому, но в рассказе «Петлистые уши» писатель, опираясь на доводы антропологов-криминалистов, довел до логического завершения «маргинальные» размышления о человеке «злобного автора, совавшего Христа во все свои бульварные романы». В своем произведении Бунин, если оценивать его вклад в маргинальную антропологию его же словами, оказался более «злобным автором», использующим «бульварные» теории Ломброзо и его последователей.

Но тем не менее — по итогу — Достоевский и Бунин заострили антропологическую проблему: высветили в человеке другое «Я», не менее реальное, чем «Я» религиозное, разумное и социологизированное; напомнили о грозной силе человеческой природы, которая живет своей таинственной жизнью, творя свою собственную историю. Религиозные, культурно-исторические оптимистические концепции человека, рисовавшие наступление социальной гармонии и Царства Божьего на земле, были дополнены и «потеснены» идеями о всевластии атавистических процессов внутри человеческого рода, который может произвести политического «выродка, нравственного идиота от рождения» [Бунин, 1991, с. 329], о чем предупреждал Достоевский в романе «Бесы» [Ферри, 1908а, с. 35], [Булгаков, 1993, с. 499–526], [Сараскина, 1990] и что воплотилось, по убеждению Бунина, в Ленине, в «русском Каине»: «Он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек» [Бунин, 1991, с. 329].

Таковы показатели маргинальной антропологии Достоевского и Бунина, нашедшие свое воплощение в романе «Преступление и наказание» и в рассказе «Петлистые уши», — в произведениях, где главный общий вопрос — вопрос о природе человека. Бунин сближается с Достоевским в самом тревожном признании: «Человек есть тайна» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 63], — сближается в видении того мрачного в человеке, в его поступках, что связано с его душой, которая «остается навсегда неведомой, непойманной, неразгаданной».

С этой точки зрения Бунин ведет не столько полемику с Достоевским, сколько детально прорабатывает острую антропологическую проблему: она волновала обоих писателей, стремившихся разгадать тайну человека, иерархически соотнесенную с Богом и с разного рода возникающими эволюционными и социальными антропными «примесями».

Важным общим итогом маргинальной антропологии Достоевского и Бунина (маргинальной антропологии всего XIX века) является формирование в общественном сознании «дарвиновской дилеммы» («столь же неразрешимой, как свобода воли и предопределение»), разрешить которую может только человек, живущий с первых веков христианства, по слову И. Канта, ожиданием апокалипсических свершений: «<...> мы теперь (но это *теперь* так же старо, как и история) живем в последние времена, на пороге у нас день страшного суда и светопреставление» [Кант, 1965, с. 20]. С другой стороны, культура в попытках «обновления» вновь и вновь возвращается к «шестому дню» Творения, по необходимости встраивается на каждом историческом этапе в процесс «досотворения» человека, ибо «<...> новым человеком он может стать только через некое возрождение, как бы через новое творение <...>» [Кант, 1965, с. 51].

Список литературы

1. Альберт Великий, 1811 — <*Альберт Великий*> Великого Альберта наука распознавать людей. Избранная из древних рукописей. С физиогномическими замечаниями Аристотеля, Галенуса, Гиппократа, Плиния, Плутарха, И.Б. ла Порте и также изъяснение Галлевой системы о черепословии / пер. с нем. М.: Печатано в типографии С. Селивановского, 1811. 126 с.

2. Аристотель, 2002 — *Аристотель*. Метафизика / пер. с греч. И.С. Еремеев. СПб.: Алетейя; Киев: Эльга, 2002. 830 с.

3. Березкина, 2019 — *Березкина С.В.* Реальный комментарий // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. СПб.: Наука. 2019. Т. 7. С. 605–754.

4. Боуи, 2001 — *Боуи Р.* Достоевский и «достоевщина» в произведениях и жизни Бунина // Иван Бунин: pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГИ, 2001. С. 700–713.

5. Булгаков, 1993 — *Булгаков С.Н.* Русская трагедия // *Булгаков С.Н.* Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 499–526.

6. Бунин, 1991 — *Бунин И.А.* Окаянные дни. М.: Молодая гвардия, 1991. 335 с.

7. Бунин, 1965–1967 — *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1965–1967.

8. Гальтон, 1875 — *Гальтон Ф.* Наследственность таланта, ее закон и последствия / пер. с англ. СПб.: Знание, 1875. 300 с.

9. Гибнер, 1815 — <*Гибнер И.*> Сто четыре Священные Истории, выбранные из Ветхого и Нового Завета, в пользу юношества, Иоанном Гибнером, с присовокуплением благочестивых размышлений. С немецкого языка вновь переведены с издания, исправленного Иоанном Готфр. Флекком, Василием Богородским. СПб.: Тип. И. Байкова, 1815. 357 с.

10. Дарвин, 1868 — *Дарвин Ч.* Происхождение видов: в 2 т. / пер. с англ. В. Ковалевский. СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1868. Т. 2. 462 с.

11. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. СПб.: Наука. 2013– (издание продолжается).

12. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

13. Дякова, 2022 — *Дякова Т.А.* Иван Бунин и Фёдор Достоевский: Литературный диалог в жанре пародии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 2. С. 42–45.

14. Изъяснение, 1811— Изъяснение Галлевой системы // Великого Альберта наука распознавать людей. Избранная из древних рукописей. С физиогномическими замечаниями Аристотеля, Галенуса, Гиппократа, Плиния, Плутарха, И.Б. ла Порте и также изъяснение Галлевой системы о черепословии / пер. с нем. М.: Тип. С. Селивановского, 1811. С. 113–126.

15. Кант, 1965 — *Кант И.* Об изначально злом в человеческой природе // *Кант И.* Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Кн. 2. С. 5–57.

16. Карус, 1999 — *Карус К.Г.* Символика человеческого облика. Руководство к человекознанию // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв. М.: Канон+; ОИ «Реабилитация», 1999. С. 716–776.

17. Кибальник, 2019 — *Кибальник С.А.* § 12 (статья) // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. СПб.: Наука. 2019. Т. 7. С. 546–577.

18. Лесевич, 1917 — *Лесевич В.В.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Тов-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1917. Т. 3: Статьи общенаучного характера. 713 с.

19. Ломброзо, 1885 — *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными / пер. с итал. К. Тетюшиновой. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1885. 360 с.

20. Ломброзо, 1892 — *Ломброзо Ч.* Новейшие успехи науки о преступнике / пер. с итал. С.Л. Раппопорт. СПб.: Типо-литография С.М. Николаева, 1892. 160 с.

21. Мамардашвили, Пятигорский, 1999 — *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символе и языке. М.: Языки русской культуры, 1999. 216 с.

22. Мечников, 1950–1964 — *Мечников И.И.* Академическое собрание сочинений: в 16 т. М.: Гос. изд-во мед. лит., 1950–1964.

23. Михайловский, 1896 — <*Михайловский Н.К.*> Сочинения Н.К. Михайловского: в 6 т. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1896. Т. 2. 886 стб.

24. Мочульский, 1995 — *Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество // *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 219–549.

25. Нордау, 1903 — *Нордау М.* Новая биологическая теория преступления / пер. с нем. К.А. Малинин. М.: Тип. А.В. Васильева, 1903. 35 с.

26. Нордау, 1902 — *Нордау М.* Собр. соч.: в 12 т. / пер. с нем. В.Н. Михайлов. Киев: Изд. Б.К. Фукса, 1902.

27. Пращерук, 2021 — *Пращерук Н.В.* «Преступление и наказание» в интерпретации И.А. Бунина: «Петлистые уши» как рассказ-обобщение // Дискурс Некрасова и Достоевского: культурное наследие и его интерпретация. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (22–26 сентября 2021 г.) / ред.-сост. Е.А. Фёдорова; Ярославль: ПФК «СОЮЗ-ПРЕСС», 2021. С. 236–241.

28. Пращерук, 2022 — *Пращерук Н.В.* Проза И.А. Бунина: философия, поэтика, диалоги. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; СПб.: Алетейя, 2022. 432 с.

29. Предуведомление, 1811 — Предуведомление немецкого издателя // Великого Альберта наука распознавать людей. Избранная из древних рукописей. С физиогномическими замечаниями Аристотеля, Галенуса, Гиппократа, Плиния, Плутарха, И.Б. ла Порте и также изъяснение Галлевой системы о черепословии / пер. с нем. М.: Тип. С. Селивановского, 1811. С. III–XV.

30. Рибо, 1898 — *Рибо Т.* Психология чувств / пер. с фр. М. Гольдсмит. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1898. 480 стб.

31. Сапольски, 2019 — *Сапольски Р.* Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки / пер. с англ. Ю. Аболина, Е. Наймарк, д-р биол. наук. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 708 с.

32. Сараскина, 1990 — *Сараскина Л.И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. 479 с.

33. Сегалин, 1925 — *Сегалин Г.В.* О задачах эвропатологии как отдельной отрасли психопатологии, изучающей патологию гениально-одаренной личности и патологию творчества // Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии). 1925. Т. 1. Вып. 1. С. 7–23.

34. Сигеле, 1893 — *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии / пер. с фр. А.П. Афанасьев. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1893. 116 с.

35. Спасович, 1891 — *Спасович В.Д.* Новые направления в науке уголовного права // Вестник Европы. 1891. Двадцать шестой год. Т. 5. Сентябрь–октябрь. С. 441–507.

36. Тард, 1906 — *Тард Г.* Преступник и преступление / пер. с фр. Е.В. Выставкина. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1906. 324 с.

37. Тарковский, 1991 — *Тарковский А.А.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т. 2. 270 с.

38. Тихомиров, 2005 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

39. Туниманов, 2004 — *Туниманов В.А.* И.А. Бунин и Достоевский. (По поводу рассказа Бунина «Петлистые уши») // *Туниманов В.А.* Достоевский и русские писатели. СПб.: Наука, 2004. С. 207–235.

40. Ферри, 1908а — *Ферри Э.* Преступные типы в искусстве и литературе / пер. с итал. Р. Савелли. СПб.: Изд. С.Е. Коренева и К°, Тип. В.Я. Мильштейна, 1908. 175 с.

41. Ферри, 1888 — *Ферри Э.* Психология предумышленного убийцы // Юридический вестник. 1888. Сентябрь. Кн. 1. С. 3–30.

42. Ферри, 1908б — *Ферри Э.* Уголовная социология / пер. с итал. М.: В.М. Саблин, 1908. 591 с.

43. Филарет, 1835 — *Филарет (Дроздов), митрополит*. Записки, руководствующие к основательному разумению книги Бытия, заключающие в себя и перевод сея книги на русское наречие. СПб.: Тип. Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1835. Ч. 1: Сотворение мира и история первого мира. 218 с.

44. Флоринский, 1866 — *Флоринский В.М.* Усовершенствование и вырождение человеческого рода. СПб., 1866. 206 с.

45. Шилле-Школьни, 1912 — *Шилле-Школьни Х.М.* Верно средство познть сея других. Практическо, общедоступно изложени наук: хиромантии, физиогномики, френологии, астрологии / 4- из. Варшава: Психо-графологическо из-во «Рассвет», 1912. 137 .

46. Carus, 1858 — *Carus C.G.* Symbolik der menschlichen Gestalt: ein Handbuch zur Menschenkenntniss. Leipzig: F.A. Brodhaus, 1858. 403 s.

47. Lavater, 1783–1787 — *Lavater J.C.* Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe: in 3 Band. Winterthur: In Verlag Heinrich Steiners und Compagnie, 1783–1787.

References

1. [Al’bert Velikii] *Velikogo Al’berta nauka raspoznavat’ liudei. Izbrannaia iz drevnikh rukopisei. S fiziognomicheskimi zamechaniiami Aristotelia, Galenusa, Gippokrata, Pliniia, Plutarkha, I.B. la Porte i takzhe iz”iasnenie Gallevoi sistemy o chereposlovii* [*By Albertus Magnus. The Science of Recognizing People. Selected from Ancient Manuscripts. With Physiognomic Remarks by Aristotle, Galen, Hippocrates, Pliny, Plutarch, I.B. La Porte and an Explanation of Gall’s System of Craniology*]. Trans. from German. Moscow, Tipografiia S. Selivanovskogo Publ., 1811. 126 p. (In Russ.)

2. Aristotel'. *Metafizika* [*Metaphysics*]. Trans. from the Greek by I.S. Eremeev. St. Petersburg, Aleteiia Publ.; Kiev, El'ga Publ., 2002. 830 p. (In Russ.)

3. Berezkina, S.V. "Real'nyi kommentarii" ["Real Commentary"]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 35 vols*], vol. 7. St. Petersburg, Nauka Publ., 2019, pp. 605–754. (In Russ.)

4. Boui, Robert. "Dostoevskii i 'dostoevshchina' v proizvedeniiakh i zhizni Bunina" ["Dostoevsky and 'Dostoevschina' in Bunin's Works and Life"]. *Ivan Bunin: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Ivana Bunina v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei: antologiia* [*Ivan Bunin: Pro et Contra: The Personality and Creativity of Ivan Bunin in the Assessment of Russian and Foreign Thinkers and Researchers: An Anthology*]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2001, pp. 700–713. (In Russ.)

5. Bulgakov, S.N. "Russkaia tragediia" ["Russian Tragedy"]. Bulgakov, S.N. *Sochineniia: v 2 tomakh* [*Works: in 2 vols*], vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 499–526. (In Russ.)

6. Bunin, I.A. *Okaiannye dni* [*The Cursed Days*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1991. 335 p. (In Russ.)

7. Bunin, I.A. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh* [*Collected Works: in 9 vols*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965–1967. (In Russ.)

8. Galton, Francis. *Nasledstvennost' talanta, ee zakon i posledstviia* [*The Heredity of Talent, Its Law and Consequences*]. Trans. from English. St. Petersburg, Znanie Publ., 1875. 300 p. (In Russ.)

9. [Gibner, John.] *Sto chetyre Sviashchennye Istorii, vybrannye iz Vetkhogo i Novogo Zaveta, v pol'zu iunoshestva, Ioannom Gibnerom, s prisovokupleniem blagochestivykh razmyshlenii* [*One Hundred and Four Sacred Stories, Selected from the Old and New Testaments, in Favor of Youth, by John Gibner, with the Addition of Pious Reflections*]. Trans. by V. Bogorodsky from the German edition, corrected by John G. Fleckn. St. Petersburg, Tipografiia I. Baikova Publ., 1815. 357 p. (In Russ.)

10. Darwin, Charles. *Proiskhozhdenie vidov: v 2 tomakh* [*The Origin of the Species: in 2 vols*], vol. 2. Trans. from English by V. Kovalevsky. St. Petersburg, Tipografiia F.S. Sushchinskogo Publ., 1868. 462 p. (In Russ.)

11. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 35 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 35 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–continuing publication. (In Russ.)

12. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

13. D'iakova, T.A. "Ivan Bunin i Fedor Dostoevskii: Literaturnyi dialog v zhanre parodii" ["Ivan Bunin and Fyodor Dostoevsky: Literary Dialogue in the Genre of Parody"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Filologiia. Zhurnalistika*, no. 2, 2022, pp. 42–45. (In Russ.)

14. "Iz''iasnenie Gallevoi sistemy" ["Explanation of Gall's System"]. *Velikogo Al'berta nauka raspoznavat' liudei. Izbrannaia iz drevnikh rukopisei. S fiziognomicheskimi zamechaniiami Aristotelia, Galenusa, Gippokrata, Pliniia, Plutarkha, I.B. la Porte i takzhe iz''iasnenie Gallevoi sistemy o chereposlovii* [*By Albertus Magnus. The Science of Recognizing People. Selected from Ancient Manuscripts. With Physiognomic Remarks by Aristotle, Galen, Hippocrates, Pliny, Plutarch, I.B. La Porte and an Explanation of Gall's System of Craniology*]. Trans. from German. Moscow, Tipografiia

S. Selivanovskogo Publ., 1811, pp. 113–126. (In Russ.)

15. Kant, Immanuel. “Ob iznachal’no zlom v chelovecheskoi prirode” [“About the Inherently Evil in Human Nature”]. Kant, Immanuel. *Sochineniia: v 6 tomakh* [*Works: in 6 vols*], vol. 4, book 2. Ed. by V.F. Asmus, A.V. Gulygi, T.I. Oizerman. Moscow, Mysl’ Publ., 1965, pp. 5–57. (In Russ.)

16. Carus, Carl Gustav. “Simvolika chelovecheskogo oblika. Rukovodstvo k chelovekoznaniiu” [“The Symbolism of the Human Form. A Guide to Human Knowledge”]. *Germetizm, magiia, naturfilosofiia v evropeiskoi kul’ture XIII – XIX vekov* [*Hermeticism, Magic, Natural Philosophy in European culture of the 13th – 19th Centuries*]. Moscow, Kanon+ Publ.; OI “Reabilitatsiia” Publ., 1999, pp. 716–776. (In Russ.)

17. Kibal’nik, S.A. “§ 12 (stat’ia)” [“§ 12 (Article)”]. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochunenii i pisem: v 35 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 35 vols*], vol. 7. St. Petersburg, Nauka Publ., 2019, pp. 546–577. (In Russ.)

18. Lesevich, V.V. *Sobranie sochinenii: v 3 tomakh* [*Collected Works: in 3 vols*], vol. 3: Stat’i obshchenauchnogo kharaktera [Articles of General Academic Nature]. Moscow, Tovarishchestvo “Knigoizdatel’stvo pisatelei v Moskve” Publ., 1917. 659 p. (In Russ.)

19. Lombroso, Cesare. *Genial’nost’ i pomeshatel’stvo. Parallel’ mezhdu velikimi liud’mi i pomeshannymi* [*Genius and Insanity. The Parallel between Great People and the Insane*]. Trans. from Italian by K. Tetiushinovaia. St. Petersburg, Tipografiia tovarishchestva “Obshchestvennaia pol’za” Publ., 1885. 360 p. (In Russ.)

20. Lombroso, Cesare. *Noveishie uspekhi nauki o prestupnike* [*The Latest Advances in Criminal Science*]. Trans. from Italian by S.L. Rappoport. St. Petersburg, Tipo-litografiia S.M. Nikolaeva Publ., 1892. 160 p. (In Russ.)

21. Mamardashvili, M.K., and A.M. Piatigorskii. *Simvol i soznanie: Metafizicheskie rassuzhdeniia o soznanii, simvole i iazyke* [*Symbol and Consciousness: Metaphysical Discussions about Consciousness, Symbol, and Language*]. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 1999. 216 p. (In Russ.)

22. Mechnikov, I.I. *Akademicheskoe sobranie sochinenii: v 16 tomakh* [*Academic Collection of Works: in 16 vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo meditsinskoi literatury Publ., 1950–1964. (In Russ.)

23. [Mikhailovskii, N.K.] *Sochineniia N.K. Mikhailovskogo: v 6 tomakh* [*Works of Nikolay Mikhailovsky: in 6 vols*], vol. 2. St. Petersburg, Tipografiia B.M. Vol’fa Publ., 1896. 886 columns. (In Russ.)

24. Mochul’skii, K.V. “Dostoevskii. Zhizn’ i tvorchestvo” [“Dostoevsky. Life and Work”]. Mochul’skii, K.V. *Gogol’. Solov’ev. Dostoevskii* [*Gogol. Solovyov. Dostoevsky*]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 219–549. (In Russ.)

25. Nordau, Max. *Novaia biologicheskaia teoriia prestupleniia* [*A New Biological Theory of Crime*]. Trans. from German by K.A. Malinin. Moscow, Tipografiia A.V. Vasil’eva Publ., 1903. 35 p. (In Russ.)

26. Nordau, Max. *Sobranie sochinenii: v 12 tomakh* [*Collected Works: in 12 vols*]. Trans. from German V.N. Mikhailov. Kiev, Izdanie B.K. Fuksa Publ., 1902. (In Russ.)

27. Prashcheruk, N.V. "'Prestuplenie i nakazanie' v interpretatsii I.A. Bunina: 'Petlistye ushi' kak rasskaz-obobshchenie" ["*Crime and Punishment* as Interpreted by Ivan Bunin: 'Loopy Ears' as a Story of Generalization"]. Fedorova, E.V., editor. *Diskurs Nekrasova i Dostoevskogo: kul'turnoe nasledie i ego interpretatsiia. Materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii (22–26 sentiabria 2021 god)* [*The Discourse of Nekrasov and Dostoevsky: Cultural Heritage and Its Interpretation. Proceedings of the Russian Scientific Conference with International Participation (September 22–26, 2021)*]. Iaroslavl', PFK "SOIUZ-PRESS" Publ., 2021, pp. 236–241. (In Russ.)

28. Prashcheruk, N.V. *Proza I.A. Bunina: filosofiia, poetika, dialogi* [*Ivan Bunin's Prose: Philosophy, Poetics, Dialogues*]. Ekaterinburg, Izd. Ural'skogo universiteta Publ.; St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2022. 432 p. (In Russ.)

29. "Preduvedomlenie nemetskogo izdatelia" ["Advance Notice from the German Publisher"]. *Velikogo Al'berta nauka raspoznavat' liudei. Izbrannaia iz drevnikh rukopisei. S fiziognomicheskimi zamechaniiami Aristotelia, Galenusa, Gippokrata, Pliniia, Plutarkha, I.B. la Porte i takzhe iz''iasnenie Gallevoi sistemy o chereposlovii* [*By Albertus Magnus. The Science of Recognizing People. Selected from Ancient Manuscripts. With Physiognomic Remarks by Aristotle, Galen, Hippocrates, Pliny, Plutarch, I.B. La Porte and an Explanation of Gall's System of Craniology*]. Trans. from German. Moscow, Tipografiia S. Selivanovskogo Publ., 1811, pp. III–XV. (In Russ.)

30. Ribo, Theodule. *Psikhologiia chuvstv* [*Psychology of Feelings*]. Trans. from French by M. Goldsmith. St. Petersburg, Izdanie F. Pavlenkova Publ., 1898. 480 p. (In Russ.)

31. Sapolsky, Robert. *Biologiia dobra i zla. Kak nauka obiasniaet nashi postupki* [*The Biology of Good and Evil. How Science Explains Our Actions*]. Trans. from English by Yu. Abolina, E. Naymark. Moscow, OOO "Al'pina non-fikshn" Publ., 2019. 708 p. (In Russ.)

32. Saraskina, L.I. "*Besy*"*: roman-preduprezhdenie* [Demons*: A Novel-Warning*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 479 p. (In Russ.)

33. Segalin, G.V. "O zadachakh evropatologii kak otdel'noi otrasli psikhopatologii, izuchaiushchei patologiiu genial'no-odarennoi lichnosti i patologiiu tvorchestva" ["On the Tasks of Evropathology as a Separate Branch of Psychopathology that Studies the Pathology of a Genius-Gifted Personality and the Pathology of Creativity"]. *Klinicheskii arkhiv genial'nosti i odarennosti (evropatologii)*, vol. 1, no. 1, 1925, pp. 7–23. (In Russ.)

34. Sigele, Scipio. *Prestupnaia tolpa. Opyt kollektivnoi psikhologii* [*A Criminal Mob. An Experiment in Collective Psychology*]. Trans. from French by A.P. Afanasiev. St. Petersburg, Tipografiia Iu.N. Erlikh Publ., 1893. 116 p. (In Russ.)

35. Spasovich, V.D. "Novye napravleniia v nauke ugolovnogo prava" ["New Directions in the Science of Criminal Law"]. *Vestnik Evropy*, vol. 5, 1891, Sept.–Oct., pp. 441–507. (In Russ.)

36. Tard, Gabrielle. *Prestupnik i prestuplenie* [*The Criminal and the Crime*]. Trans. from French by E.V. Vystavkin. Moscow, Tipografiia tovarishchestva I.D. Sytina Publ., 1906. 324 p. (In Russ.)

37. Tarkovskii, A.A. *Sobranie sochinenii: v 3 tomakh* [*Collected Works: in 3 vols*], vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1991. 270 p. (In Russ.)

38. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von". Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* [*"Lazarus, Come Out." A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2005. 472 p. (In Russ.)

39. Tunimanov, V.A. "I.A. Bunin i Dostoevskii. (Po povodu rasskaza Bunina 'Petlistye ushi')" ["Ivan Bunin and Dostoevsky. (About Bunin's Short Story 'Loopy Ears')"]. Tunimanov, V.A. *Dostoevskii i russkie pisateli* [*Dostoevsky and Russian Writers*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 207–235. (In Russ.)

40. Ferri, Enrico. *Prestupnye tipy v iskusstve i literature* [*Criminal Types in Art and Literature*]. Trans. from Italian by R. Savelli. St. Petersburg, Izdanie S.E. Koreneva i K°; Tipografiia V.Ia. Mil'shteina Publ., 1908. 175 p. (In Russ.)

41. Ferri, Enrico. "Psikhologiia predumyshlennogo ubiitsy" ["The Psychology of a Premeditated Murderer"]. *Iuridicheskii vestnik*, vol. 1, 1888, Sept., pp. 3–30. (In Russ.)

42. Ferri, Enrico. *Ugolovnaia sotsiologiia* [*Criminal Sociology*]. Trans. from Italian. Moscow, V.M. Sablin Publ., 1908. 591 p. (In Russ.)

43. Filaret (Drozdov), Metropolitan. *Zapiski, rukovodstvuiushchie k osnovatel'nomu razumeniiu knigi Bytiia, zakliuchaiushchie v sebia i perevod seia knigi na russkoe narechie. Chast' pervaia. Sotvorenie mira i istoriia pervogo mira* [*Notes for a Thorough Understanding of the Book of Genesis, which Include the Translation of This Book in the Russian Dialect. Part One. The Creation of the World and the History of the First World*]. St. Petersburg, Tipografiia Meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1835. 218 p. (In Russ.)

44. Florinskii, V.M. *Usovershenstvovanie i vyrozhdenie chelovecheskogo roda* [*The Improvement and Degeneration of the Human Race*]. St. Petersburg, 1866. 206 p. (In Russ.)

45. Shille-Shkol'ni, Kh.M. *Vernoe sredstvo poznat' sebia i drugikh. Prakticheskoe, obshchedostupnoe izlozhenie nauk: khiromantii, fiziognomiki, frenologii, astrologii* [*A Sure Way to Know Yourself and Others. Practical, Public Presentation of the Sciences: Palmistry, Physiognomy, Phrenology, Astrology*]. 4th Edition. Warsaw, Rassvet Publ., 1912. 137 p. (In Russ.)

46. Carus, Carl Gustav. *Symbolik der menschlichen Gestalt: ein Handbuch zur Menschenkenntniss.* Leipzig, F.A. Brodhaus, 1858. 403 p. (In German)

47. Lavater, Johann Kaspar. *Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und Menschenliebe.* In 3 Band. Winterthur, In Verlag Heinrich Steiners und Compagnie, 1783–1787. (In German)

Статья поступила в редакцию: 05.02.2024
Одобрена после рецензирования: 04.04.2024
Принята к публикации: 10.04.2024
Дата публикации: 25.06.2024

The article was submitted: 05 Feb. 2024
Approved after reviewing: 04 Apr. 2024
Accepted for publication: 10 Apr. 2024
Date of publication: 25 June 2024